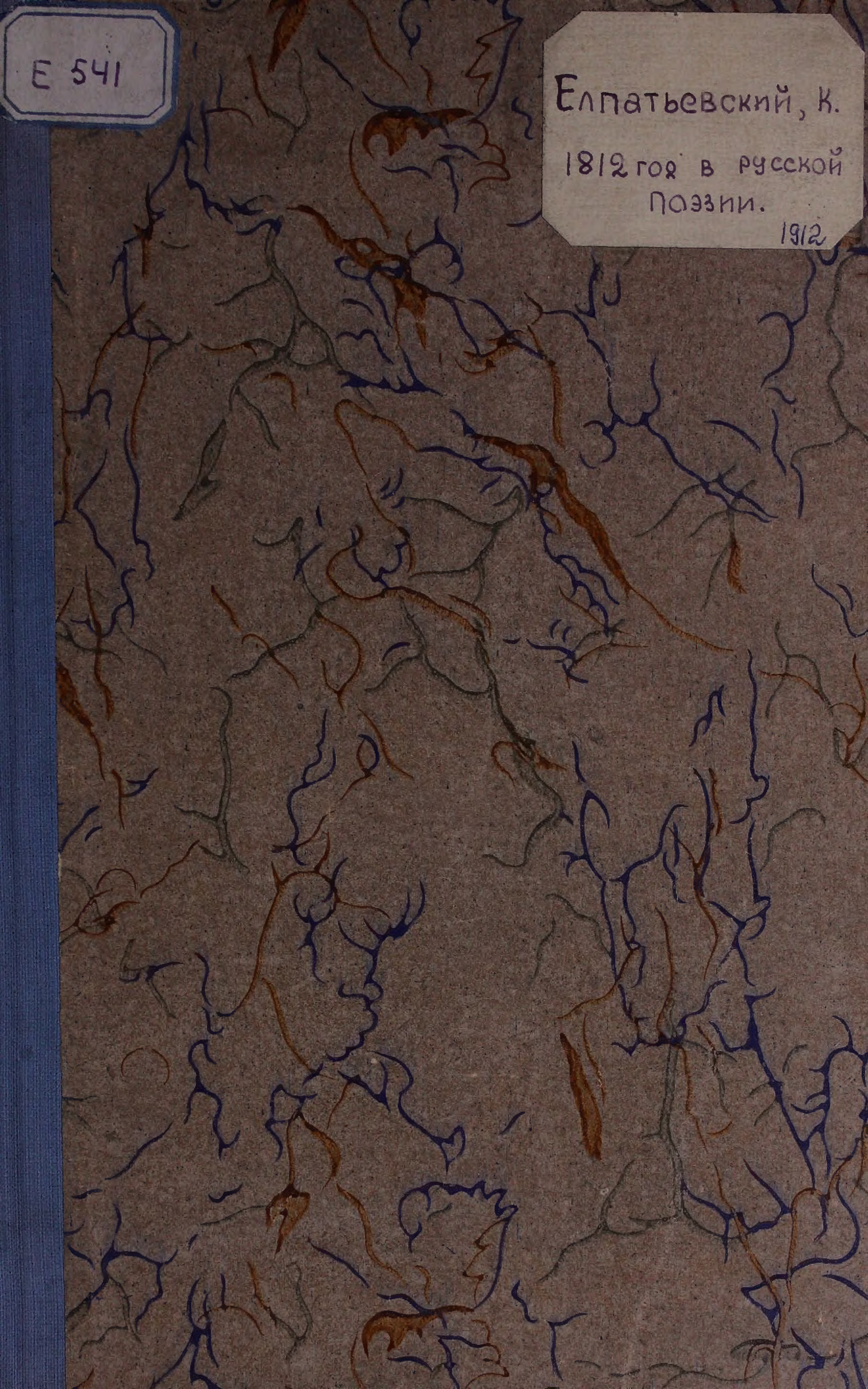

Е 541
Елпатьевский, К.
1812 год в русской
Поэзии.
1912

1812 годъ

въ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ

Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ (историческихъ и военныхъ), посвященныхъ Отечественной войнѣ, Александру I и Наполеону.

для учащихся составилъ

К. В. Елпатьевскій.

2-е дополненное изданіе, съ прибавленіемъ краткаго очерка Отечественной войны.

Въ 1-мъ изданіи Сборникъ былъ допущенъ Уч. Ком. М. Нар. Просв. въ учен. библіотеки средн. и низш. учебн. заведеній и въ безпл. нар. библіотеки и читальни и Уч. Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ учен. библіотеки мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1912.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ ПО ИСТОРІИ

К. В. Елпатьевскаго:

Смутное время на Руси и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Сборникъ стихотвореній и историческихъ пѣсенъ, составленный для учащихся къ предстоящему празднованію 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. 1911 г. Цѣна 35 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ рекомендованъ для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки духовно-учебныхъ заведеній.

Учебникъ русской исторіи. 12-е изданіе 1909 г. Цѣна 1 р. 40 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, Учебнымъ Комитетомъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ гимназій, институтовъ и корпусовъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ, какъ учебное пособіе для духовныхъ семинарій.

Разсказы и Стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е вновь переработанное изданіе. 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендована для ротныхъ библіотекъ трехъ младшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрена для ученическихъ библіотекъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

См. 3-ю стран. обложки.

1812 ГОДЪ

въ

РУССКОЙ ПОЭЗІИ

Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ (историческихъ и военныхъ), посвященныхъ Отечественной войнѣ, Александру I и Наполеону.

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СОСТАВИЛЪ

К. В. Елпатьевскій.

2-е дополненное изданіе, съ прибавленіемъ краткаго очерка Отечественной войны.

Въ 1-мъ изданіи Сборникъ былъ допущенъ Уч. Ком. М. Нар. Просв. въ учен. библіотеки средн. и низш. учебн. заведеній и въ безпл. нар. библіотеки и читальни и Уч. Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ учен. библіотеки мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1912.

4321

Заглавія стихотвореній и пѣсенъ.

---

[1]) Во время отечественной войны появилось очень много такъ называемыхъ военныхъ («патріотическихъ») пѣсенъ, авторами которыхъ были малоизвѣстные писатели того времени; нѣсколько такихъ пѣсенъ я помѣстилъ въ своемъ Сборникѣ на ряду съ народными историческими пѣснями.

Отечественная война.

Наполеонъ Бонапартъ, сынъ бѣднаго дворянина съ острова Корсики, съ дѣтскихъ лѣтъ обнаруживавшій склонность къ военнымъ занятіямъ, воспитывался въ военной Бріенской школѣ и потомъ вступилъ на службу во французскую армію артиллерійскимъ офицеромъ. Во время великой французской революціи онъ такъ прославился своими военными подвигами, что на 27 году своей жизни уже былъ сдѣланъ генераломъ, а затѣмъ, воспользовавшись смутными обстоятельствами во Франціи, овладѣлъ верховною властью. Сначала онъ назывался первымъ консуломъ, а потомъ принялъ титулъ императора (1804 г.). Чтобы удержаться на престолѣ, достигнутомъ военными подвигами, Наполеонъ, какъ искусный полководецъ, долженъ былъ искать завоеваній, военной славы, блеска побѣдъ, и, дѣйствительно, онъ безпрестанно воевалъ съ сосѣдями. Въ нѣсколько лѣтъ покоривъ почти всю Западную Европу, онъ свергалъ съ престола законныхъ государей, а на ихъ мѣста сажалъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Послѣ рѣшительной побѣды надъ австрійцами (при Аустерлицѣ въ Моравіи въ 1805 г.) и быстраго завоеванія всей Пруссіи Наполеонъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ Европѣ и во что бы то ни стало задумалъ покорить Россію, не признававшую его власти. Въ 1811 году Наполеонъ сталъ собираться на Россію. Лѣтомъ 1812 года онъ придвинулъ къ русскимъ границамъ 600.000 войска, въ которомъ были, кромѣ французовъ, итальянцы, голландцы, австрійцы, пруссаки, нѣмцы всѣхъ остальныхъ германскихъ государствъ, испанцы, португальцы, поляки. 12 іюня Наполеоновская армія перешла рѣку Нѣманъ, т.-е. переступила русскую границу.

Императоръ Александръ I, узнавъ о вторженіи непріятеля, такъ говорилъ въ приказѣ войскамъ: „Не нужно мнѣ напоминать

вождямъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, *отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго* Богъ! Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ. Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ: никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ". Такія слова Царя своего читала Россія въ манифестѣ о народномъ ополченіи. Русскіе люди откликнулись на этотъ призывъ; когда Государь пріѣхалъ въ Москву, одушевленіе было всеобщее, народъ кричалъ: „Веди насъ, куда хочешь, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ! Бери все!" Въ короткое время составилось ополченіе до 300 тысячъ человѣкъ и собрано до 100 милліоновъ рублей. Наше войско, выставленное противъ Наполеона въ числѣ 250.000, *раздѣлено было на двѣ арміи: первою командовалъ* Барклай-де-Толли, второю—Багратіонъ. По плану Барклая, русскіе начали отступать въ глубь страны, къ Москвѣ, избѣгая рѣшительной битвы съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ. На пути отступленія и жилища, и запасы опустошались самимъ народомъ. Передъ Смоленскомъ наши обѣ арміи соединились въ виду непріятеля; подъ стѣнами же этого города произошла первая битва русскихъ съ войсками Наполеона (5 августа). Генералы Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Невѣровскій отлично защищались и отбивали непріятеля. Городъ превращенъ былъ въ груду развалинъ. Подъ Смоленскомъ Наполеонъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и заговорилъ о мирѣ. Отвѣта не было. Русскіе между тѣмъ продолжали отступленіе. Войска и народъ роптали на осторожность Барклая-де-Толли, оказывая ему явное недовѣріе и даже подозрѣвая въ измѣнѣ. Императоръ Александръ внялъ голосу народа и назначилъ главнокомандующимъ шестидесятилѣтняго русскаго генерала Михаила Илларіоновича Кутузова, отличившагося еще при взятіи Измаила и котораго любили и цѣнили Румянцевъ и Суворовъ. Предъ самымъ отправленіемъ въ армію, *отслуживъ молебенъ* въ Казанскомъ соборѣ, престарѣлый вождь возложилъ на свою грудь чудотворную икону и сказалъ священнослужителямъ и собравшемуся народу: „молитесь обо мнѣ: меня посылаютъ на великое дѣло". 17 августа прибылъ Кутузовъ къ войску. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ!" говорили солдаты. 26 августа 1812 г. произошло знаменитое сраженіе при селѣ Бородинѣ Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, въ

108 верстахъ отъ Москвы. Весь день наканунѣ русскіе молча готовились къ битвѣ, какъ къ великому суду Божію; солдаты надѣли чистое бѣлье, многіе отказывались отъ водки: „не къ тому готовимся, не такой завтра день"... По рядамъ носили икону Смоленской Божіей Матери и служили молебны. На разсвѣтѣ 26 августа началась и только съ наступленіемъ ночи окончилась страшная, небывалая битва. Нѣсколько разъ войска бросались въ рукопашный бой; болѣе 100 тысячъ труповъ покрыли Бородинское поле: мы лишились половины арміи; въ числѣ многихъ генераловъ убитъ у насъ Багратіонъ. Потеря французовъ была не меньше, и хотя Наполеонъ приписывалъ себѣ перевѣсъ, но побѣда на самомъ дѣлѣ была ничья. „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою: французы въ немъ показали себя достойными побѣды, а русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми!"—такъ отзывался впослѣдствіи о битвѣ подъ Бородинымъ самъ Наполеонъ. При такомъ ужасномъ уронѣ въ арміи Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе и отступилъ. Французы шли слѣдомъ за нимъ. Узнавъ о приближеніи непріятеля, жители стали покидать Москву. Скоро Москва опустѣла. 1 сентября войска наши расположились въ двухъ верстахъ отъ Москвы на Смоленской дорогѣ. Вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, созванъ былъ военный совѣтъ для совѣщанія: отдать ли безъ боя Москву и войску перейти черезъ нее на Рязанскую дорогу, или дать сраженіе? Послѣ долгихъ споровъ Кутузовъ сказалъ: „Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія". Рѣшено было отступить. Кутузову не легко было рѣшиться на подобную жертву; очевидцы говорятъ, что онъ не спалъ послѣ совѣта всю ночь и нѣсколько разъ плакалъ. 2 сентября русскія войска начали переходить чрезъ Москву, а за ними слѣдомъ явились французы.

Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы, сказалъ: „Такъ вотъ онъ, этотъ славный городъ! Теперь война кончена!" Подъѣхавъ къ заставѣ, Наполеонъ сошелъ съ коня и началъ ходить взадъ и впередъ, дожидаясь торжественной депутаціи отъ Москвы съ ключами города. Услыхавъ, что Москва оставлена, онъ не хотѣлъ вѣрить. Вмѣсто торжественной депутаціи изъ именитыхъ гражданъ, къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили извѣстіе, что жители оставили Москву. Въ этотъ же день въ Москвѣ начались пожары. Наполеонъ переночевалъ въ подгородной слободѣ, а на другой день (3 сентября) переѣхалъ по опустѣлымъ улицамъ Москвы въ Кремль, но по случаю

пожаровъ не могъ оставаться здѣсь, съ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Три дня горѣла Москва. Большая часть уцѣлѣвшихъ зданій и церквей или были разрушены, или разграблены. Положеніе французовъ въ Москвѣ было отчаянное, потому что скоро ощутился недостатокъ въ продовольствіи. На пустынныхъ улицахъ Москвы были разложены костры изъ дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами; надъ кострами кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; во многихъ мѣстахъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе, а хлѣба не было. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ, съ ужасомъ ожидая приближенія зимы, предложилъ миръ, но отвѣта не было. Императоръ Александръ послѣ потери Москвы сказалъ своимъ: „я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить". Между тѣмъ Кутузовъ, спустя нѣсколько дней по выходѣ изъ Москвы, вдругъ оставилъ Рязанскую дорогу и, обманувъ преслѣдующаго непріятеля, перешелъ на старую Калужскую дорогу и расположился лагеремъ при Тарутинѣ, гдѣ могъ имѣть сообщеніе съ южными хлѣбородными губерніями. Воодушевленная твердою рѣшимостью своего Государя, вся Россія превратилась въ одинъ военный станъ: ополчались и старъ и младъ на защиту своей родины. Повсюду собирались мелкіе отряды: вставали крестьяне, вооруженные чѣмъ попало,—косами, вилами, цѣпами, и по частямъ истребляли французовъ. Къ Москвѣ подошли также донскіе казаки въ числѣ 20.000 подъ предводительствомъ своего атамана Платова; своею удалью и смѣлостью они наводили великій страхъ на французовъ. Началась народная война.

Время становилось суровѣе; близилась осень, а за нею зима. Французамъ было все хуже и хуже въ Москвѣ: они стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, лошадиную падаль, отчего развились въ непріятельской арміи разныя болѣзни. Русская армія съ каждымъ днемъ усиливалась, а непріятельская ослабѣвала. 3 октября Наполеонъ послалъ къ Кутузову съ мирными предложеніями; фельдмаршалъ донесъ Императору, который отвѣчалъ: „Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество". Наступила пора русскому войску дѣйствовать. Верстахъ въ десяти отъ русскаго Тарутинскаго лагеря стоялъ передовой отрядъ французовъ, на который сдѣлано было нападеніе въ боль-

шихъ силахъ. Французы были опрокинуты и взято много пушекъ. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ пораженіи, отдалъ приказъ выходить изъ Москвы. Самъ онъ выѣхалъ изъ Москвы 7 октября, приказавъ взорвать Кремль и зажечь всѣ общественныя зданія. Въ полночь на 11 октября раздались страшные взрывы въ Кремлѣ: разрушены были дворецъ, часть колокольни Ивана Великаго и нѣкоторыя мѣста кремлевскихъ стѣнъ, но соборы уцѣлѣли. Въ этотъ же день французы ушли изъ Москвы. Когда къ Кутузову въ полночь пришла вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы, маститый вождь всталъ съ постели, упалъ на колѣни предъ иконой, зарыдалъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Господи, Спаситель мой! внялъ Ты молитвѣ нашей... спасена Россія. Благодарю Тебя!"

Началось знаменитое отступленіе „великой арміи", сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ. Наполеонъ хотѣлъ направить свою армію къ Калугѣ по новой, не разоренной дорогѣ; но войска наши встрѣтили его при Малоярославцѣ (Калужской губерніи) 12 октября и, послѣ жестокой битвы, заставили идти по прежнему, опустошенному пути на Смоленскъ, въ окрестностяхъ котораго нанесено Наполеону русскими войсками, которыя преслѣдовали его съ тыла и боковъ, нѣсколько пораженій: при Вязьмѣ, близъ Духовщины (22 октября) и подъ Краснымъ (5 ноября). Здѣсь взято въ плѣнъ болѣе 26 тысячъ и 126 пушекъ. За эти побѣды Кутузовъ получилъ титулъ Князя Смоленскаго. Съ ноября наступили морозы. Закутанные въ лохмотья, въ женскія платья, въ церковныя ризы, изнуренные отъ голода и дрожащіе отъ холода, французы едва двигались, гибли тысячами, устилая дорогу своими трупами; крестьяне, даже бабы, забирали въ плѣнъ цѣлые отряды. Много погибло французовъ при переправѣ чрезъ Березину, гдѣ, благодаря только ошибочному движенію генерала Чичагова, самъ Наполеонъ не былъ захваченъ въ плѣнъ. Послѣ Березинской переправы въ арміи Наполеона оставалось всего 60 тысячъ человѣкъ. Не доѣзжая Вильны, Наполеонъ покинулъ жалкіе остатки своей арміи и уѣхалъ въ Парижъ. Въ декабрѣ уже ни одного непріятельскаго солдата не осталось въ предѣлахъ Россіи. Въ день Рождества Христова, 25-го декабря, церковь праздновала и доселѣ празднуетъ особымъ торжественнымъ богослуженіемъ „избавленіе отечества отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ". Россія и съ нею вся Европа благословила подвиги русскаго Императора и увѣковѣчила за нимъ въ исторіи имя Александра Благословеннаго, который не себѣ, а Провидѣнію приписывалъ побѣду въ неслыханной борьбѣ.

Послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи императоръ Александръ I рѣшился продолжать войну, съ цѣлью освободить изъ-подъ его ига всю Европу, и поэтому приказалъ Кутузову съ русскими войсками идти за русскую границу въ Пруссію. Пруссія заключила съ Россіею союзъ, и мы друзьями вступили въ Берлинъ. Въ Берлинѣ русскихъ встрѣчали съ восторгомъ, восклицая: „Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!“ Союзныя русскія и прусскія войска погнались за французами въ Саксонію и заняли столицу ея, Дрезденъ. Императоръ Александръ, отправившійся за границу къ русской арміи, съѣхался съ королемъ прусскимъ въ городѣ Бреславлѣ и вмѣстѣ съ нимъ письменно побуждалъ императора австрійскаго присоединиться къ ихъ союзу противъ Наполеона, а затѣмъ поѣхалъ въ Дрезденъ. Саксонцы въ Дрезденѣ встрѣтили Александра съ живѣйшею радостью; въ честь его сооружены были тріумфальныя ворота съ надписями: „Александру избавителю“. „Боже, благослови оружіе его!“ „Кровь и сердца наши принадлежатъ Александру“. Подъ главнымъ начальствомъ Кутузова русскіе постоянно побѣждали, вытѣсняя французовъ изъ нѣмецкихъ городовъ. Но фельдмаршалъ внезапно заболѣлъ въ городѣ Бунцлау. Вмѣсто него главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Барклай-де-Толли, а прусскими войсками командовалъ генералъ Блюхеръ. Наполеонъ, набравъ новое войско, поспѣшилъ на встрѣчу союзникамъ. Первая встрѣча произошла, въ присутствіи императора Александра, при городѣ Люценѣ, гдѣ французы потерпѣли большія потери. (Наканунѣ этого сраженія пришла горестная вѣсть о кончинѣ фельдмаршала князя Кутузова въ Бунцлау 16 апрѣля 1813 года). Теперь перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ союзниковъ: у нихъ было до 500.000 человѣкъ, а у Наполеона 373.000. Несмотря на это, Наполеону еще разъ удалось 15 августа выиграть большое сраженіе подъ Дрезденомъ. Съ этихъ поръ Александръ I не только лично участвовалъ въ битвахъ, но и руководилъ ими. Отступая, наши войска остановились недалеко отъ Дрездена, подъ Кульмомъ, въ Саксоніи, и здѣсь произошла новая кровопролитная и рѣшительная битва 17 августа, въ которой Наполеонъ потерпѣлъ полное пораженіе. Ровно черезъ годъ, послѣ выхода Наполеона изъ Москвы, 7-го октября 1813 года, окончилась четырехдневная битва подъ Лейпцигомъ. Въ битвѣ участвовало до полумилліона войска съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь навсегда пало могущество Наполеона.

1 января 1814 года Александръ I перевелъ союзныя войска за рѣку Рейнъ, во Францію—и послѣ еще нѣсколькихъ сраженій

путь къ Парижу былъ открытъ и ничто не могло замедлить слѣдованія къ нему союзныхъ армій. Александръ I хотѣлъ избѣжать кровопролитія и отправилъ своего адъютанта для переговоровъ о сдачѣ города, но его встрѣтили выстрѣлами. Тогда союзныя войска пошли на приступъ, какъ вдругъ французскіе маршалы послали къ Александру офицера съ просьбою о перемиріи, и наши войска остановились. „Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву!“ — говорили солдаты. Наконецъ условіе о сдачѣ Парижа было подписано. Въ это время Наполеонъ, спѣша къ Парижу на почтовыхъ, былъ уже отъ него въ 15 верстахъ, но узнавъ, что все кончено, уѣхалъ въ Фонтенебло, городъ въ 50 верстахъ отъ столицы. Александръ въѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ встрѣтившимъ его по дорогѣ королемъ прусскимъ (19 марта). Ихъ сопровождала русская гвардія. Толпы народа наполняли улицы Парижа, кровли и окна домовъ. Сначала казалось, что жители чего-то опасаются, ибо радостныя восклицанія не были еще общими. Парижане безпрерывно спрашивали: „Гдѣ русскій Государь?“ „Вотъ онъ, вотъ онъ!“ указывали они другъ другу: „какъ онъ милостиво кланяется, съ какою ласкою онъ говоритъ съ народомъ!“ „Я вступаю въ Парижъ не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и торговлю“—объяснялъ имъ государь.—„Мы уже давно ожидали прибытія Вашего Величества“, сказалъ одинъ французъ, на что императоръ отвѣчалъ: „обвиняйте въ моей медленности храбрость вашихъ войскъ“. Французы воображали себѣ русскихъ полудикими, въ странныхъ одеждахъ и едва вѣрили глазамъ, увидя красоту русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность войска, образованность и ласковое обращеніе офицеровъ. Похвалы русскимъ загремѣли повсюду. Мгновенно разошлось отъ одного конца Парижа до другого восклицаніе: „да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ русскіе!“ Многіе, тѣснясь около Александра, просили его остаться во Франціи. „Царствуйте надъ нами“, говорили они, „или дайте намъ монарха, который былъ бы на васъ похожъ“. Черезъ нѣсколько часовъ по занятіи Парижа обнародовано было подписанное Александромъ воззваніе къ народу, въ которомъ императоръ приглашалъ французовъ избрать временное правительство и объявилъ, что ни онъ, ни союзники его не войдутъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и членами его семейства. Французскій сенатъ издалъ опредѣленіе, которымъ Наполеонъ былъ лишенъ престола, и такимъ образомъ главная цѣль императора Александра была достигнута. Когда сенаторы представились русскому монарху, онъ сказалъ имъ:

„Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а посему я веду войну съ нимъ, а не съ Франціей. Я—другъ французовъ. Въ доказательство—возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи". Эти слова были обнародованы въ печатныхъ объявленіяхъ, прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. Благодарности парижанъ не было предѣловъ. Наполеонъ стоялъ еще въ Фонтенебло съ 50-тысячною арміею. Однако, вслѣдствіе опредѣленія сената, маршалы и войска мало-по-малу оставили его и онъ, видя безнадежность своего положенія, принужденъ былъ подписать отреченіе свое отъ престола и принялъ отъ союзниковъ во владѣніе островъ Эльбу, на Средиземномъ морѣ, и нѣсколько милліоновъ годового дохода—для себя и своихъ родственниковъ. Торжественна была минута, когда въ день Свѣтлаго Воскресенія на парижской площади, передъ Тюльерійскимъ дворцомъ, отправлено было среди русскаго воинства благодарственное молебствіе. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу", произнесъ въ тотъ день Александръ I, и слова эти были выбиты впослѣдствіи на медали „За взятіе Парижа". На французскій престолъ, вмѣсто Наполеона, возведенъ былъ потомокъ прежнихъ законныхъ королей, бывшій въ изгнаніи, Людовикъ XVIII.

13 іюля государь возвратился въ Петербургъ. Высшія правительственныя учрежденія опредѣлили поднести императору Александру титулъ „Благословенный", но онъ отрекся; просили дозволенія воздвигнуть ему памятникъ. „Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, да благословляетъ меня народъ мой, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надъ мною и надъ нею благословеніе Божіе",—былъ отвѣтъ Александра. Великія заботы о довершеніи своего царственнаго подвига скоро увлекли императора Александра изъ отечества. Сентября 13-го прибылъ онъ въ Вѣну, гдѣ устроенъ былъ съѣздъ (конгрессъ) всѣхъ монарховъ Европы, для возстановленія нарушенныхъ Наполеономъ границъ государствъ и правъ государей. Марта 1-го 1815 года неожиданно явился Наполеонъ на южныхъ берегахъ Франціи и, повсюду радостно встрѣчаемый войскомъ, черезъ три недѣли былъ уже въ Парижѣ, откуда король Людовикъ XVIII долженъ былъ поспѣшно удалиться. Войска союзниковъ, едва возвратившіяся изъ Франціи, отовсюду были двинуты обратно. Въ сраженіи при Ватерлоо, близъ Брюсселя, Наполеонъ былъ совершенно разбитъ. Союзники вступили во Францію. Парижъ отложился отъ Наполеона, который вторично отрекся отъ престола и добровольно отдался въ руки англичанъ. Тогда Але-

ксандръ принужденъ былъ опять побывать въ Парижѣ, и прибытіе его туда успокоило умы и утишило волненія. Рѣшеніемъ союзныхъ государей опредѣлена была участь Наполеона: положено было отправить его на островъ Св. Елены, принадлежащій Англіи, и тамъ подъ стражею англичанъ Бонапартъ провелъ послѣднія шесть лѣтъ жизни, тамъ онъ и умеръ въ 1821 году.

Россія вела много войнъ, но никогда война не вызывала такого патріотическаго напряженія, какъ война 1812 года. Наполеона уже давно знала вся Россія и успѣла возненавидѣть; ненависть эта отъ высшаго и средняго классовъ перешла къ простому народу. Извѣстно, что войнѣ предшествовала ужасная комета, которую суевѣрный народъ почелъ за грозное знаменованіе будущихъ несчастій: „помететъ она русскую землю“, говорилъ онъ; за кометою явились новыя бѣдствія: во многихъ мѣстахъ появился голодъ, запылали русскіе города и села. Кіевъ, Воронежъ, Казань, Уфа, Житоміръ и Бердичевъ обратились въ пепелъ или въ развалины. На Наполеона, готовившагося со своими громадными полчищами идти на Россію, народъ сталъ смотрѣть, какъ на антихриста, который „шелъ съ нечистою ратью истреблять народъ и вѣру“, и разлагалъ его имя на апокалипсическое число 666 [1]) (что означаетъ антихристъ). Неблагопріятныя знаменія передъ началомъ войны съ Наполеономъ, отступленіе русской арміи до самаго Бородино, затѣмъ пожаръ и занятіе Москвы придали всей войнѣ характеръ страшной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, до послѣдняго истощенія. Самыя опасности и первыя неудачи не подавили народнаго духа, напротивъ, воспламеняли народъ еще болѣе и приводили его къ неслыханнымъ пожертвованіямъ. „Всѣ распоряженія и усилія правительства, замѣчаетъ одинъ современникъ, были бы недостаточны, если бы народъ остался въ оцѣпенѣніи. По собственному почину жители съ приближеніемъ французовъ удалялись въ лѣса, оставляя свои жилища на сожженіе, и все народонаселеніе Москвы выступило вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. Даже въ рядахъ между солдатами каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ. Никогда прежде и никогда послѣ императоръ Александръ не былъ такъ сближенъ со своимъ народомъ, какъ въ это время“. Въ ряды защитниковъ отечества стано-

---

[1]) «Если французскимъ буквамъ придать числовое значеніе по примѣру изображенія чиселъ въ древне-еврейскомъ языкѣ, то въ имени «L'Empereur Napoléon» и въ числѣ его лѣтъ отроду — «Quarante deux»—открывается таинственное число 666.

вились даже писатели и поэты,—такъ Батюшковъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ противъ Наполеона, Жуковскій вступилъ въ московское ополченіе и сражался въ Бородинской битвѣ, князь Вяземскій надѣлъ казацкій мундиръ и въ отечественную войну находился при отважномъ Милорадовичѣ.

Это былъ такой моментъ въ нашей исторіи, когда патріотическое воодушевленіе достигло высшаго напряженія и когда во всей полнотѣ сказалась сила народнаго духа. Чувство, охватившее русскій народъ, было то самое, которое спасло Россію въ 1612 г., въ эпоху междуцарствія. Этотъ народный восторгъ, подъемъ народнаго духа доставилъ Россіи важное преимущество: онъ далъ нашимъ воинамъ несокрушимый духъ, полнѣйшее презрѣніе смерти, далъ имъ нравственныя силы, которыя сдѣлали ихъ неодолимыми.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права,—
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!

Жуковскій.

Святая то была у насъ война!
И ты,—и ты увѣдала смятенье—
О, русскій край! О, милая страна!
И намъ, и намъ грозило покоренье!
Враги, какъ буря, къ намъ войной,
И слѣдъ ихъ былъ—пожаръ и степи;
Для насъ звучали рабства цѣпи,
И врагъ ругался надъ Москвой,—
Но стали русскіе стѣной
И отстояли тронъ и царство!

Глинка.

Великій день Бородина
Мы, братской тризной поминая,
Твердили: шли же племена,

Бѣдой Россіи угрожая,
Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали-жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ».

Пушкинъ.

И давно-ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?..
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

Никитинъ.

Сенъ-Бернаръ [1]).

Во льдинахъ шлемахъ великаны
Стоятъ, теряясь въ облакахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ;
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.
Храните благородный югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада племени, о, Альпы исполины!
Храните вы изъ вѣка въ вѣкъ
Источники вѣчно шумящихъ рѣкъ
И нѣжно злачныя Ломбардіи долины.
Кто мчится къ Альпамъ? кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ спокойныхъ взоръ горитъ,
Души неодолимой сила.
Въ немъ зрѣетъ новая борьба —
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ;
И неизбѣжно, какъ судьба,
Рѣшенье думъ его могучихъ.
Съ коня сошелъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сенъ-Бернаръ: «Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?» Онъ рекъ,—и шумная лавина
Ниспала и зарыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ,—
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина.
Я узнаю тебя! Ты съ нильскихъ пирамидъ
Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
Побѣды гласъ неутолимый;
И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
Шумящее губительной грозою,

[1]) Въ 1800 г. Наполеонъ съ большими трудностями совершилъ переходъ въ верхнюю Италію черезъ Сенъ-Бернаръ (вершина въ Альпахъ) и здѣсь при деревнѣ Маренго разбилъ наголову австрійцевъ.

Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ.
Нѣтъ, нѣтъ, Италіи не уступлю безъ боя!—
Впередъ!—отвѣтъ могучій прозвучалъ.
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ костей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ.
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.
Мрачнѣетъ Сенъ-Бернаръ: одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ, сто безднъ раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ смрадомъ смерти дышетъ онъ.
— «Впередъ!» — воскликнулъ вождь: — «впередъ!» —
промчались клики,
И гордую стопу уже занесъ Великій
На исполинское чело.
Я узнаю тебя, мой чудный побѣдитель!
Въ лучахъ блеститъ Маренго, цѣпь побѣдъ
По міру прогремитъ... Но встанетъ крѣпкій мститель,
И ты на свой наступишь слѣдъ.
Свершая замыслы всемірнаго похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибалъ [1])
Съ юнѣющей судьбой могучаго народа
Въ борьбѣ неравной шумно палъ.
Страшись!—Уже на кликъ отечества и славы
Встаетъ народъ: онъ—грань твоихъ путей;
Всходящая звѣзда мужающей державы
Уже грозитъ звѣздѣ твоей.
Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всадникъ
мѣдный... [2])
Ударитъ конь копытами въ гранитъ
И кинетъ огнь въ сердца онъ искрою побѣдной,
Твой грозный лавръ испепелитъ.

Одоевскій.

---

[1]) Аннибалъ, знаменитый карѳагенскій полководецъ, во второй пунической войнѣ съ римлянами перешелъ въ 218 г. до Р. Х. черезъ Сенъ-Бернаръ въ Италію, одержалъ надъ римлянами рядъ побѣдъ, но затѣмъ и самъ былъ побѣжденъ ими въ Африкѣ и окончилъ жизнь самоубійствомъ на чужбинѣ.

[2]) Памятникъ Петру В. въ Петербургѣ, на Сенатской площади.

Пѣсня воиновъ.

(1806 г.)

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Отечества, закона, славы!
Сыны россійскія державы!
Насталъ великодушныхъ часъ:
Онъ нашъ!.. Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ отечества сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣти грознаго Борея, [1])
И міру возвратимъ покой,
Низвергнувъ общаго злодѣя! [2])

Цари, народы слезы льютъ:
Державы, воинства ихъ пали;
Европа есть юдоль печали.
Свершился-ль неба страшный судъ?
Нѣтъ, нѣтъ! у насъ святое знамя,
Въ рукахъ желѣзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!
Не торжествуй, о, галлъ надменный! [3])
Твоя побѣда не вѣрна:
Се россъ, тобой неодолѣнный!

Готовъ кровопролитный бой!
Отвѣдай силъ и счастья съ нами;
Сломи грудь съ грудью, рядъ рядами;
Ступай: увидимъ, кто герой!
Пощады нѣтъ: тебя накажемъ,
Или всѣ мы на мѣстѣ ляжемъ.
Что жизнь для побѣжденныхъ? стыдъ!
Кто въ плѣнъ сдается? боязливый!
Сей острый мечъ, сей мѣдный щитъ
У насъ въ рукахъ, пока мы живы.
Ты намъ дерзаешь угрожать?
Но римлянъ страшныхъ легіоны
Могли-ль дать сѣверу законы?
Полунощь есть героевъ мать:
Римъ палъ, ихъ мышцей сокрушенный,
Колоссъ вѣками утвержденный.
Ищи на югѣ робкихъ слугъ:
Сынъ сѣвера въ странѣ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ-другъ,
И царь ему—отецъ любезный.

Но ты идешь: друзья! впередъ!
Гремите звучными щитами,
Сверкайте свѣтлыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣдъ!
Герои въ старости маститой,
Дѣлами, саномъ знаменитой,
Ведите юношъ славы въ храмъ!
Достойный алтарей служитель!
Кури священный ѳиміамъ;
Молись... Россъ будетъ побѣдитель!

О, тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны;
Мы славы вашея достойны;
Обѣтъ сердечный нами данъ
Служить примѣромъ для потомства!
Не знаютъ россы вѣроломства
И клятву чести сохранятъ:
Да будетъ міръ тому свидѣтель!
За галла весь ужасный адъ:
За насъ же Богъ и добродѣтель!

Карамзинъ.

---

[1]) Борей—сѣверный вѣтеръ, вообще сѣверъ.

[2]) Въ 1805 г. человѣколюбивый Александръ I задумалъ избавить Европу отъ безпрерывныхъ войнъ, которыя велъ Наполеонъ, и потому началъ съ нимъ войну въ союзѣ съ Австріей и Англіей. Послѣ битвы при Аустерлицѣ, въ которой союзныя войска потерпѣли рѣшительное пораженіе, Австрія заключила съ Наполеономъ миръ, и тогда въ слѣдующемъ 1806 г. Александръ заключилъ союзъ съ Пруссіей и Англіей противъ Наполеона.

[3]) Французскій императоръ Наполеонъ I.

На замиреніе съ французами въ 1807 г. [1]

(Военная пѣсня.)

Веселитесь, люди русскіе!
Прекратились брани лютыя,
Возвратились дни спокойствія
И блаженный миръ воскресъ для
вась!
Усмирились галлы рьяные,
И изъ злыхъ враговъ содѣлались
Нынѣ вамъ друзьями, братьями.
Посвятивъ Царю Небесному
Жертву чистой благодарности
За его щедроты многія,
Веселитесь, православные!
Славьте, дѣти, царство сильнаго,
Славьте храбрыхъ нашихъ воиновъ;
Величайте воеводъ своихъ,
Возносите мудрость царскую!
Мы покоемъ, миромъ, счастіемъ
И свободою обязаны
Ратоборцевъ нашихъ мужеству
Ихъ вождей благоразумію
И царевой неусыпности;
Славьте, славьте ихъ въ душѣ своей,
Съ жаркимъ, пламеннымъ усердіемъ!
И забывъ печали, горести,
Предавайтесь чувству радости,
И почійте отъ заботъ своихъ
Въ нѣдрѣ счастья благодатнаго.
Вашъ покой, покой, столь нужный
вамъ,
Подъ покровомъ мира прочнаго,
Подъ защитой войска храбраго,
Подъ державой царя добраго,
Подъ десницей Всемогущаго,
Будетъ сладокъ и полезенъ вамъ.

Пѣсня объ „Отечественной войнѣ“.

(Военная пѣсня.)

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ вровень стать.
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.
Невпопадъ пошелъ «англезу», [2]
Вздумалъ, бросивъ «экосезу»,
«Польскую» пройтить.
Не видавши пыли русской,
Кверху вздернулъ носъ французскій
И давай кружить.
А сарматы-пустословы
Подыграть [3]) ему готовы:

[1]) Въ 1807 г. Александръ I заключилъ съ Наполеономъ Тильзитскій миръ и даже вступилъ съ нимъ въ союзъ.

[2]) Англезъ — разнообразный по фигурамъ и быстрый по темпу англійскій танецъ. Экосезъ — шотландскій танецъ въ трехдольномъ размѣрѣ. Здѣсь намекъ на то, что Наполеонъ, не имѣя сильнаго флота, не могъ ни побѣдить англичанъ на морѣ, ни высадиться на ихъ берега.

[3]) Сарматы, т.-е. поляки выставили въ 1812 г. въ помощь Наполеону 80.000 армію, которая вмѣстѣ съ Наполеономъ вступила въ Россію; поляки надѣялись на возстановленіе своей независимости при поддержкѣ Наполеона.

«Гостикъ дорогой!»
Скрипки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли:
То-то пиръ горой!
Скоро «польскимъ» онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ:
— «Сёмъ, на Русь пойду!»
Тамъ я «барыню» пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся,
Пляску заведу!
Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву:
— «Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
А, чтобы повеселиться,
Барынь позову».
Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу:
Пришлось отдыхать.
Князь Кутузовъ помнилъ слово:
«Хоть не скоро, да здорово».
Старый воробей!
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по-свойски,—
Мы не знаемъ по-заморски,—
Нутка, «казачка»! [1])
Чуть прослышалъ корсиканецъ:
— Провались проклятый танецъ.
Дастъ онъ мнѣ толчка!
То ли дѣло по-нѣмецки
Танцовать по-молодецки
Старый «алемандъ»! [2])
Эта пляска мнѣ сходнѣе
И для ногъ моихъ сноснѣе:
Ну, назадъ, назадъ!»
— «Видно, хватъ, ты изъ французовъ»,—
Говоритъ ему Кутузовъ:
«Нѣтъ, братъ, погоди!
Шаркать мастеръ ты ногою:
Сёмъ, попляшемъ мы съ тобою,
Нутка, выходи!
Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по-французски
Ты, Наполеонъ!»
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать «пардонъ».
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало: [3])
Пляска дорога!
Морганулъ онъ Коленкуру: [4])
— «Сёмъ-ка, выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!»
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански [5]) безъ оглядки
Шаркнули назадъ.
Не соваться было въ воду
Не спросяся прежде броду,
Хватъ-богатырю!
Мать россійская держава,—
Силы много! Слава, слава
Бѣлому царю.

---

[1]) Народная пляска, занесенная изъ Украйны;—указаніе на роль казаковъ.

[2]) Намекъ на громкія побѣды Наполеона въ Австріи и Пруссіи.

[3]) Поляковъ.

[4]) Коленкуръ—французскій посолъ въ Россіи.

[5]) По цыганской манерѣ, воровски, нищенски, въ лохмотьяхъ, въ бѣгахъ съ воровскими лошадьми.

Ожиданіе французовъ.

(Историческая пѣсня.)

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.
Французскій король царю Бѣлому отсылается:
«Припаси-ка ты мнѣ квартиръ—квартиръ ровно сорокъ тысячъ.
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки».
На это нашъ православный царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилася [1]).
Передъ нимъ стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
«Не пужайся ты, нашъ батюшка, православный царь!
«А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
«Середи пути, на своей земли,
«А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
«А мы скатерти ему постелимъ—вольны пули,
«На закусочку поставимъ—каленыхъ картечъ;
«Угощать его будутъ—канонерушки,
«Провожать его будутъ все казачушки».

Солдатская пѣсня.

Вспомнимъ, братцы, россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу,
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить.
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра наша, вѣрность свята:
Побѣдимъ или умремъ!
Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей.
Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.
Врагъ строптивый мещетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ.
Русь святую разоряетъ...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ или умремъ.

Глинка.

[1]) Измѣнился въ лицѣ.

Переходъ черезъ Нѣманъ [1]).

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны [2]); работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.
Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: «Vivat!»
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?
Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ
Съ подзорной трубою въ рукѣ.
Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ...
И думаетъ онъ: «Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!»
И мнится ему въ то же время,—сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...
И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!» говорятъ ему слава и геній—
«Впередъ, императоръ! Впередъ!»
И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Полонскій.

[1]) 12 іюня 1812 г. Наполеонъ во главѣ 600.000 отборнаго войска перешелъ черезъ Нѣманъ въ русскіе предѣлы. «Солдаты, говорилъ Наполеонъ къ своимъ войскамъ: Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей! Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ и внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи. Эта война будетъ славна для Франціи и миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ 50-лѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

[2]) Понтоны—легкія разборныя лодки, служащія въ войскахъ для быстрой постановки мостовъ.

Проѣзжая черезъ Ковно [1]).

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ по волѣ Бога
Ты супостата къ ней пустилъ
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ,
Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,—
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ, — могучій южный демонъ,—
И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами?
Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,—
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣхъ и все стерегъ
Очами чудными своими.
Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой,—стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать—
Все грозно боевыя лица,
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.
И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое. [2])
И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И, вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!..»

Тютчевъ.

Пѣсня къ русскимъ воинамъ.

(Военная пѣсня).

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь вамъ дорога!
Посмотрите, подступаетъ
Къ вамъ соломенный народъ:
Бонапарте выпускаетъ
Разныхъ націй хилый сбродъ.
Не въ одной они всѣ вѣрѣ,
Съ принужденьемъ всѣ идутъ:

[1]) Наполеонъ перешелъ Нѣманъ между городами Вильно и Ковно.
[2]) Изъ 600.000 войска, съ которымъ Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы Россіи, возвратилось назадъ не болѣе 60.000 человѣкъ.

При чувствительной потерѣ
На него же нападутъ.
Всѣмъ навѣрно далъ онъ слово,
Что далеко къ намъ зайдетъ:
Знаетъ, дома нездорово,
Дома также пропадетъ,
Мыслитъ: «Коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,—
Такъ отъ русскаго народа
Мнѣ и смерть честнѣй принять».
Вся Европа ожидаетъ
Сей погибели его:
Бонапарта почитаетъ
За злодѣя своего.
Ахъ, когда слухъ разнесется,
Что отъ насъ сей врагъ исчезъ,
Слава русскихъ вознесется
До превыспреннихъ небесъ!

Пѣсня ратниковъ С.-Петербургскаго ополченія.

(Военная пѣсня).

Не труба трубитъ звонка золота,
Какъ возговоритъ православный царь:
«Охъ, вы, русскіе добры молодцы,
Вы сѣдлайте ретивыхъ коней,
Надѣвайте сабли острыя;
Что идетъ злодѣй на Святую Русь:
Есть ли Минины, Пожарскіе?
Намъ тогда снимать нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго».
Лишь успѣлъ намъ царь слово вымолвить,
Не рѣка шумитъ, не волна течетъ,
То народъ къ нему стекается:
«Охъ ты, батюшка, православный царь!
Есть и Минины и Пожарскіе!
Ты бери у насъ злато, серебро,
Ты и насъ возьми во ряды къ себѣ;
Какъ дѣды наши шли за родину,
Такъ и мы теперь за тебя идемъ,
Рады головы за тебя нести;
Мы тогда снимемъ нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго:
Ты отецъ будешь сиротамъ по насъ.
Не рости травѣ по Невѣ рѣкѣ,
Не владѣть чужимъ землей русскою».
Наши русскіе, дѣти барскіе,

Наши въ Питерѣ веселилися,—
Всѣ бѣгутъ они встать дружинами,
Имъ забавушки опостылѣли,
Намъ работушка ужъ на умъ нейдетъ,
Жены, дѣтушки не удержатъ насъ,
Покидаемъ всѣ, сами въ строй спѣшимъ.
Не орлы летятъ по поднебесью,
То дружинушки идутъ къ Полоцку.
Какъ встрѣчаетъ насъ витязь Витгенштейнъ [1])
«Удалые вы, добры молодцы!
Мы послужимте царю бѣлому!
Не дадимъ врагу поругаться намъ».
«Славный витязь нашъ, добрый Витгенштейнъ!
Прикажи ты намъ за собой идти!
За тобою всякъ и въ огонь готовъ!»
Засвистали вдругъ калены ядра,
Застонала вся мать сыра земля,
Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ;
Мы дралися тутъ три дня, три ночи,
Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ отецъ,
Впереди насъ всѣ начальники,
И вскочили мы въ стѣны Полоцка,
И стремглавъ злодѣй побѣжалъ отъ насъ;
Не свѣтлѣе солнце свѣтитъ красное,
А громчѣй гремитъ слава русская.
«Ты бѣги, бѣги, нашъ злодѣй, отъ насъ;
Не дадимъ тебѣ поругаться намъ;
Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ,
Между реберъ ихъ ужъ трава растетъ;
Мы прогонимъ ихъ изъ чужихъ земель:
Вы узнаете, что мы русскіе,
Что мы русскіе, православные».

На побѣду Витгенштейна при Клястицахъ [2]).

(Военная пѣсня).

Ужъ столицѣ возвѣстили, Какъ француза мы побили,
Слышно, съ пушечной пальбой, Удалой нашъ графъ, съ тобой.

[1]) Послѣ перехода черезъ Нѣманъ Наполеонъ отправилъ 40.000 армію къ сѣверу, съ цѣлью угрожать Петербургу. Витгенштейнъ разбилъ французовъ близъ Полоцка и этимъ задержалъ ихъ дальнѣйшее движеніе къ Петербургу.

[2]) Блестящая побѣда Витгенштейна и генерала Кульнева (пав-

Вишь, какой неугомонный!
За Двину къ намъ перешелъ:
Врагъ коварный, лютый, злобный,
Самъ напасть себѣ нашелъ.
Молодца мы потеряли:
Кульнева злодѣй убилъ;
Да зато и отчесали,—
Дорого ты заплатилъ!
Сколько тысячъ межъ рядами
Ты своими не дочтешь? [1])
Сколько пулями, штыками
На плечахъ ты ранъ несешь?
Богъ поможетъ намъ великій,
И погонимъ за Двину:
Прочь бѣги скорѣй, звѣрь дикій,
Да лѣчи свою спину!
Между тѣмъ и Макдональда
Мы пойдемъ въ Люценъ искать:
И его побивъ, намъ надо
За рѣку къ тебѣ же гнать,
Такъ, удалый графъ, съ тобою
Русскіе вездѣ пройдутъ,
Смерть и ужасъ предъ собою
Вражьей силѣ понесутъ...
Витгенштейнъ! Съ тобой готовы
Въ воду и огонь идти:
Слава, честь, побѣды новы
Ожидаютъ насъ въ пути!

Витгенштейну.

(Военная пѣсня).

Защитника Петрова града [2])
Велитъ намъ славить правды гласъ;
Его былъ Витгенштейнъ ограда,
И врагъ не смѣлъ идти на насъ.
Хвала, хвала тебѣ, герой!
Что градъ Петровъ спасенъ тобой.
Орлинымъ ты своимъ полетомъ
Врагу путь къ граду преградилъ,
И доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что честію ты дорожилъ.
Лавровые вѣнцы ужъ вьются
На храбрыхъ воинахъ твоихъ:
Въ народѣ плески раздаются,
Вездѣ гремятъ побѣды ихъ.
Геройскихъ дѣлъ твоихъ рядъ славныхъ
Россія вѣчности предастъ,
Включитъ въ число сыновъ избранныхъ,
Царь почести тебѣ воздастъ.

Полководецъ [3]).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,

шаго въ битвѣ) надъ французскимъ генераломъ Макдональдомъ при деревнѣ Клястицы близъ Полоцка, первыхъ героевъ войны 1812 г., произвела сильное впечатлѣніе, и имена ихъ стали народными.

[1]) У французовъ убитыхъ и раненыхъ было около 7.000.

[2]) Петербургъ.

[3]) Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ прославляетъ героя отечественной войны Барклая де-Толли, стоявшаго во главѣ русскаго войска, выставленнаго противъ Наполеона. Барклай, имѣя въ виду

Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ [1]), ни дѣвственныхъ мадоннъ [2]),
Ни фавновъ [3]) съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ, а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

превосходство непріятельскихъ силъ, рѣшился дѣйствовать противъ Наполеона такъ же, какъ Петръ I противъ Карла XII: не давая рѣшительнаго сраженія Наполеону, начать отступленіе и, увлекая непріятеля за собою въ глубь страны, безпокоить его мелкими схватками и всячески стараться истощать его силы. Барклай былъ опытный и свѣдущій генералъ, но онъ не умѣлъ привлечь къ себѣ солдатъ; принятый имъ планъ войны не встрѣтилъ сочувствія въ народѣ и возбудилъ уныніе въ войскѣ, жаждавшемъ рѣшительной битвы съ врагами, а его нѣмецкое происхожденіе также не мало вредило ему въ глазахъ народа и войска. Планъ войны, принятый Барклаемъ, принесъ огромную пользу Россіи въ 1812 году и былъ по достоинству оцѣненъ безпристрастнымъ потомствомъ, но немногіе изъ современниковъ понимали этотъ планъ: войско и весь народъ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительной битвы. Барклая стали подозрѣвать въ измѣнѣ. Тогда Александръ, уступая общему желанію, назначилъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи князя Кутузова, а Барклай, чуждый самолюбія, продолжалъ ревностно служить Россіи подъ главнымъ начальствомъ Кутузова.

[1]) Нимфы — низшія божества у древнихъ грековъ, олицетворяли живыя стихійныя силы и изображались въ видѣ дѣвушекъ.

[2]) Мадонна — итальянское наименованіе Богоматери и особенно Ея художественныхъ изображеній.

[3]) Фавнъ—богъ лѣсовъ, полей и горъ у древнихъ римлянъ.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!

— О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Пушкинъ.

На отъѣздъ въ армію князя Голенищева-Кутузова въ августѣ 1812 года.

(Военная пѣсня).

Что за пыль столбомъ подымается,
Мать сыра земля содрогается,

Кони быстрые вихремъ въ путь летятъ,
Сотни мигомъ верстъ проскакать хотятъ!
Знать, заслышали кони быстрые,
Въ путь кого они и зачѣмъ несутъ:
Что несутъ они славна витязя,
Страшныхъ русскихъ силъ вождя славнаго
И святой Руси сына вѣрнаго,
Мужа разума—князь Кутузова,
Что по манію [1]) Царя Бѣлаго
Ѣдетъ въ бой вести войско храброе
Противъ хищнаго врага лютаго.
Ой, вы гой есте, добры молодцы,
Вы, солдатушки православные,
Поднимите вы руки
И, сомкнувъ въ ряды груди мощныя,
Помолитесь Богу Крѣпкому
И Пречистой Его Матери,
И по слову вождя мудраго
Гряньте съ вѣрою и съ надеждою
На злодѣя кровожаднаго:
Васъ побѣда, даръ Всесильнаго,
Увѣнчаетъ славой вѣчною,
И не только Русь родимая,
Вся воскликнетъ поднебесная:
«Исполать [2]) вамъ, добры молодцы!»

Князю Кутузову.

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ!
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ,
Ты, вѣрно, побѣдишь французовъ
И, россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась,
Но жизнь твоя цѣла осталась [3]):
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ.

[1]) По манію—по знаку, по слову.
[2]) Исполать—многая лѣта.
[3]) Кутузовъ отличался выдающейся храбростью, неоднократно былъ раненъ и въ одномъ изъ сраженій лишился глаза.

Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что̀ можетъ Люциферъ! [1])
Ты шелъ и пройдешь чрезъ ехидны,
Овномъ сбодется лютый звѣрь:
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра [2]),
Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь галловъ тьмы:—съ тобой Богъ силъ!

Державинъ.

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что̀ нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ [3]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постойка-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета [4])
И слышно было до разсвѣта

[1]) Люциферъ—діаволъ.
[2]) Саламандра—духъ огня.
[3]) Редутъ—полевое укрѣпленіе: мѣсто, окруженное рвомъ и валомъ.
[4]) Лафетъ—станокъ подъ артиллерійскимъ орудіемъ.

Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [1]) открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Лермонтовъ.

Бородинская битва.

Сжатыя нивы ржи колосистой,
Скошена всюду трава;
Листъ опадаетъ въ рощѣ тѣнистой—
Осень вступаетъ въ права.
Но незамѣтенъ сельскаго стада
Выгонъ на нивѣ родной.

[1]) Бивакъ—мѣсто, на которомъ устроена временная остановка войска во время похода.

Пахаря жизни кончилась страда,
Пахарь трудится иной.
Всюду окопы, всюду преграды,
Взрыта поспѣшно земля;
Засѣки, ямы, вала ограды
Пересѣкают поля.
Вмѣсто покоя нивы холмистой—
Шумы идущихъ полковъ;
Вмѣсто колосьевъ ржи золотистой—
Лѣсъ заостренныхъ штыковъ.
Дымъ непроглядный клубами вьется,
Вылетитъ облакомъ вдругъ,
Что-то сверкнетъ—и со свистомъ несется,
Смерть разсѣвая вокругъ.
Блещутъ на солнцѣ мѣдныя брони,
Дулъ смертоносныхъ ряды;
Вѣютъ знамена, мечутся кони—
Всюду объятья вражды.
Блески и громы. Грохотъ орудій,
Ружей глухая пальба.
Пиромъ кровавымъ тѣшились люди—
Царствъ разрѣшалась судьба.
Силы несмѣтной размахъ исполинскій
Встрѣтилъ преграду защитъ—
Бой небывалый, бой Бородинскій
Съ ранняго утра гремитъ.
Стойки дружины; храбръ и отваженъ
Все наступающій врагъ;
Трупами полный, кровью увлаженъ,
Передъ окопомъ оврагъ.
Жарче и жарче, кровью не сытый,
Все разгорается бой.
Не отдаютъ безъ стойкой защиты
Наши ни пяди родной.
Перемѣшались... Яростны лица,
Крики, удары и кровь.
То отойдетъ бойцовъ вереница,
То надвигается вновь.
Выше и выше, жертвы картечи,
Груды поверженныхъ тѣлъ.
Тысячамъ жизней въ день этой сѣчи
Смертью положенъ предѣлъ.
Смолкло... устали... затихла тревога.

Битву смѣнивъ, тишина
Стала бойцовъ холодить понемногу,
Ужасомъ смерти полна.
Темная ночь опускалась дождливо,
Словно хотѣла скорѣй
Смыть съ переполненной трупами нивы
Кровь враждовавшихъ людей.
Мы подъ покровомъ ея отступали.
Темно... Устали идти...
Бросили мертвыхъ, живыхъ сосчитали—
Нѣтъ половины почти.
Вѣчная память погибшимъ со славой!
Памятенъ будетъ тотъ бой,
Гдѣ обрѣли въ грозной сѣчи кровавой
Тысячи вѣчный покой.

Навроцкій.

Поминки по Бородинской битвѣ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.
«Богъ мой!» онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
«Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать».
И Кутузовъ предо мною,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.
Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
Старца бодрый видъ воинственъ,
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.
На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось.
Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.
А его молніеносцы

Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.
День насталъ. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.
И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни—
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.
Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.
Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.
Грозный день сей Бородинскій
Имъ и намъ въ почетъ равно;
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

Вяземскій.

Надпись на полѣ Бородинскомъ.

(Военная пѣсня).

Стой, Россъ! Ты подошелъ къ полямъ Бородина!
Здѣсь грозные лежатъ полки надменна галла;
Они бросали громъ—вселенна трепетала,
Но здѣсь ихъ встрѣтила гранитная стѣна!
Не ратниковъ число, не рядъ огромныхъ башенъ,
Ихъ встрѣтила любовь къ отечеству, къ царю.
О, Россъ! въ ней мощь твоя! ты ею силенъ, страшенъ,
Ты ею засвѣтилъ спокойствія зарю.
Она пылала здѣсь и гласъ ея священный
Носился межъ рядовъ: «О, Россъ! самъ Богъ—твой щитъ!
Умри, умри, иль будь спасителемъ вселенной!
Будь вѣренъ мнѣ: тебя никто не побѣдитъ».
И русскія сердца рвались съ кровавой клятвой
Иль сбить врага, иль всѣмъ костьми въ поляхъ сихъ лечь.
Здѣсь утомилась смерть столь новой, тучной жатвой!
Здѣсь бились русскіе! здѣсь ихъ носился мечъ!
Ревѣли громы здѣсь—и долъ и холмъ стонали!
Затмился солнца свѣтъ, земля тряслась и дымъ
Нагналъ на Россовъ мракъ, но въ нихъ сердца пылали:
Сквозь дымъ, сквозь мракъ врага указывали имъ;

Но вѣра ихъ свѣточъ и вѣрность, вождь надежный,
Вели безстрашныхъ въ бой—и Россъ врага сломилъ,
И врагъ, погибели страшася неизбѣжной,
Содрогся и съ стыдомъ съ полей сихъ отступилъ.
Здѣсь робко на поля иноплеменникъ взглянетъ
И мимо ихъ холмовъ со страхомъ поспѣшитъ;
Но Россъ здѣсь мощь свою и славу вспомянетъ
И скажетъ съ гордостью: «Кто русскихъ покоритъ?!»
Сюда придетъ старикъ и внучатъ за собою
Съ благоговѣніемъ, какъ къ храму, приведетъ.
«О, дѣти! слушайте» и повѣстью простою
Въ ихъ юныя сердца жаръ доблестный прольетъ:
«Я помню, приходилъ врагъ съ силой исполинской,
И жегъ и грабилъ все; здѣсь русскихъ встрѣтилъ онъ;
Я помню славный день, день битвы бородинской!
Здѣсь дрогнулъ въ первый разъ злодѣй Наполеонъ!
Здѣсь онъ почувствовалъ, что̀ можетъ горсть героевъ
Противъ несчетныхъ ордъ, со всѣхъ скопленныхъ странъ.
Сей безпримѣрный бой изъ всѣхъ извѣстныхъ боевъ
Явилъ, что̀ можетъ духъ великихъ россіянъ!
Здѣсь бился Божій мечъ, князь русскій Михаилъ.
Я помню, какъ онъ шелъ, украшенъ сѣдинами,
Какъ онъ предъ битвою съ полками говорилъ.
Онъ страшенъ былъ, когда сражался со врагами.
Тогда на мѣстѣ семъ парилъ надъ нимъ орелъ,
Въ часъ сѣчи роковой надъ старцемъ опустился:
Вождь обнажилъ чело и духомъ ополчился.
Ура! воскликнулъ Россъ, ударилъ, загремѣлъ!..
Тогда на мѣстѣ семъ и русскихъ много пало.
О, дѣти, кланяйтесь! Они легли за насъ;
Паденьемъ славнымъ ихъ отечество возстало;
Во вѣкъ священнымъ ихъ да будетъ прахъ для насъ.
Россійскій Мараѳонъ [1])—село Бородино!
Ты славою славянъ въ безсмертьи заблистаешь;
Твоимъ святымъ холмамъ отнынѣ суждено
Вѣщать: «о, смертный! стой! безсмертныхъ попираешь!

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,

[1]) Мѣстность на восточномъ берегу Аттики, гдѣ аѳинскій полководецъ Мильтіадъ побѣдилъ персовъ въ 490 г. до Р. Х.

И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу:
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій [1]), Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу—веди меня, я твой—
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ [2]) дымомъ!
Но гдѣ вы?.. Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Денисъ Давыдовъ [3]).

„Бородинская годовщина“ [4]).

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;

[1]) Вождь—подобный тѣмъ знаменитымъ героямъ, которые прославлены древнимъ греческимъ поэтомъ Гомеромъ.

[2]) Перунъ—главное божество русскихъ славянъ, богъ грома и молніи.

[3]) Денисъ Давыдовъ былъ знаменитый русскій партизанъ и поэтъ; 24 августа 1812 г. имъ былъ устроенъ первый партизанскій отрядъ.

[4]) «Въ концѣ августа 1839 г., по волѣ императора Николая Павловича, съ большимъ торжествомъ была отпразднована Бородинская годовщина. Къ рединѣ августа въ окрестностяхъ Бородина сосредоточилось со всѣхъ концовъ Россіи до 120.000 войска при 264 пушкахъ, прибыли самъ императоръ съ наслѣдникомъ и иностранные принцы, собрались и всѣ почти ветераны 1812 года. 26 августа состоялось открытіе памятника, у подножія котораго находится могила одного изъ славнѣйшихъ героевъ Бородина Багратіона, прахъ котораго былъ перевезенъ къ этому времени изъ Владимірской губерніи. 29 августа происходили небывалые до тѣхъ поръ маневры, воспроизводившіе во всѣхъ существенныхъ чертахъ движенія войскъ во время Бородинской битвы».

При открытіи памятника войскамъ былъ прочитанъ Высочайшій приказъ: «Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безраз-

Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло
И престолъ, и Русь спасло.
Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.
А теперь пора иная:
Благовонно золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель [1]).
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней—крестъ.
И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ [2])
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.
Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ-жъ орлы, тѣ-жъ знамена
И полковъ тѣ-жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.
И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.
Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой [3]), примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ и свой и чуждый край,
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что́ въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь.
Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,

суднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей—Россіи».

[1]) Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала Тучкова на мѣстѣ той батареи, гдѣ былъ убитъ Тучковъ. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на этомъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова.

[2]) Николай I.

[3]) Барклай стоялъ во главѣ русскихъ войскъ въ походѣ на Парижъ.

Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ.
Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ [1]) и нашъ Баярдъ [2]),
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ [3]),
И въ святомъ Бородинѣ?
Й другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.
И боецъ, сынъ Аполлоновъ [4]),
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ.
И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ;
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ [5]),
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!
О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!
Вдругъ отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ одиноко,
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный [6]);
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,

[1]) Роландъ—герой (VIII в.) многочисленныхъ народныхъ пѣсенъ въ сѣверной Франціи, полководецъ Карла Великаго.

[2]) Баярдъ — «рыцарь безъ страха и упрека», французскій военачальникъ (XVI в.), пріобрѣлъ славу своими подвигами.

[3]) Дохтуровъ геройски отразилъ страшный приступъ арміи Наполеона на Смоленскъ и, тѣмъ задержавъ Наполеона, далъ возможность Барклаю съ главной арміей выйти на московскую дорогу; въ Бородинской битвѣ онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ русской арміи, когда раненый Багратіонъ оставилъ поле сраженія.

[4]) Партизанъ Давыдовъ, какъ поэтъ, здѣсь названъ сыномъ Аполлона, древнегреческаго бога пѣнія и музыки; на него, бывшаго адъютанта Багратіона, была возложена обязанность сопровождать останки Багратіона на Бородинское поле, но Давыдовъ умеръ, не доживя до желаннаго имъ дня.

[5]) Александръ I.

[6]) Александръ I скончался на югѣ Россіи въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 г.

Вся имперія идетъ.
И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала,
Вкругъ скалы морская мгла,
Съ моремъ степь слилась другая—
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ...
Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесный благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.
Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: «Москвы ужъ нѣтъ!»
И опять онъ здѣсь одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.
Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.
Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
«Память вѣчная царю!»—
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.
Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой!
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.
Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

Жуковскій.

Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;

Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.
Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ [1])
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ-ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная Жена?
Для меня-ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я́ пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ здѣсь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно».
Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

Майковъ.

Поклонная гора.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ, да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.
А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;

[1]) Наполеонъ I.

Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было идти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ, и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.
Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства [1]),
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ,—и сердился, и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы—да пожаромъ.
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей, а природа все вновь зеленѣетъ.
О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньи они такъ мирно стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ озиравшій, какъ демонъ, святыню,
Не видалъ онъ своей головой, что́ звѣзда его гаснетъ,
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ онъ съ утеса Елены

Дмитріевъ.

Занятіе Москвы Наполеономъ.

(Военная пѣсня).

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И ни женъ молодыхъ и ни дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую—
Мать родимую, мать кормилицу,

[1]) 2 сентября русскія войска выходили изъ Москвы, а французы вступали въ нее. Пріѣхавъ на Поклонную гору, Наполеонъ смотрѣлъ отсюда на Москву; «такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!.. Теперь война кончена», говорилъ онъ своимъ окружающимъ. Сойдя съ коня у Дорогомиловской заставы, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сановниковъ и начальниковъ Москвы, но никто къ нему не являлся. «Видно, эти варвары не знаютъ, сказалъ съ сердцемъ Наполеонъ, какъ слѣдуетъ и принято сдавать города!» и велѣлъ позвать къ нему бояръ. Посланные привели только нѣсколькихъ иностранцевъ ремесленниковъ, которые объявили Наполеону, что Москва совсѣмъ пуста.

Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь-орлы, взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
«Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не видѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Ни самой души-красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь
И мы примемся по старинному,
По старинному, по-суворовски,
Закричимъ «ура!» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья, люта промаху,
Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобъ самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна-бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково идти
Со оружіемъ во святую Русь».

Великая панихида.

1812 годъ.

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,

Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,

И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ недоставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую —
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Щербина.

Элегія на московскій пожаръ 1812 года.

Лежатъ храбрѣйшіе рядами,
Поля усѣяны костями,
Все пламенемъ истреблено.
Не грады только,—честь спасаешь,
О, славное Бородино!
Тебѣ потомство оставляетъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ.
О, ты, державная столица,
Градовъ славянскихъ мать-царица,
Созданіе семи вѣковъ.
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства—плодъ трудовъ,
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли
И гдѣ покоятся въ гробахъ
Царей святыхъ нетлѣнный прахъ.
Москва! Прощаемся съ тобою—
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ!
Пылай! Се пламя очищенья!
Мы землю съ небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.

Карамзинъ.

Пожаръ московскій.

(Пѣсня ополченцевъ).

Шумѣлъ, горѣлъ пожаръ московскій,
Дымъ разстилался по рѣкѣ;
На высотахъ стѣны кремлевской
Стоялъ онъ [1]) въ сѣромъ сюртукѣ.
И призадумался великій,
Скрестивши руки на груди,
Онъ видитъ огненное море:
Онъ видитъ гибель впереди!
И, погрузившись онъ въ мечтанья,
Свой взоръ на пламя устремилъ;
И тихимъ голосомъ страданья
Онъ самъ себѣ проговорилъ:

[1]) Наполеонъ.

«О! Гости, созванные мною,
Погибли вы среди снѣговъ;
Въ поляхъ истлѣютъ ваши кости
Безъ погребенья и гробовъ!
«Зачѣмъ я шелъ къ тебѣ, Россія?
Европу всю держалъ въ рукахъ,
Теперь съ поникшей головою
Стою на крѣпостныхъ стѣнахъ!»
Судьба играетъ человѣкомъ;
Она измѣнчива всегда:
То вознесетъ его высоко,
То въ бездну броситъ безъ слѣда!..

Москва.

Но грянулъ громъ! Смѣльчакъ вѣнчанный,
Игравшій царствами какъ въ мячъ,
Французовъ кесарь первозванный,
Еще не знавшій неудачъ,
Задумалъ съ Русью побороться,
Задумалъ Русь онъ покорить,
Не зналъ, какой цѣной придется
Ему ту смѣлость искупить.
Собравъ солдатъ разноплеменныхъ,
Его отвагой покоренныхъ,
Онъ съ ними ринулся на насъ
Въ свой роковой и грозный часъ.
Онъ на тебя свой путь направилъ;
Привыкъ въ столицы онъ вступать;
Вѣдь, сколько царствъ ужъ онъ заставилъ
Его условія принять.
Но не забылъ свою обитель
Небесный ангелъ нашъ хранитель:
Путемъ завѣдомымъ повелъ
Онъ Русь къ спасенью. Врагъ пришелъ.
Въ самоувѣренности властной,
Считая Русь себѣ подвластной,
Онъ въ Кремль священный твой вошелъ,
Вошелъ — и стихъ... Въ твоей святынѣ
Рушитель Божьей благостыни
Впервые дрогнулъ за свой тронъ,
Почуявъ нравственный уронъ.
Его дружина боевая,
Отъ безначалія растая,
Въ орду безпутныхъ обратилась
И вспять во страхѣ устремилась,
Когда рой смѣлыхъ удальцовъ
Тебя сжигалъ со всѣхъ концовъ.

Ты опустѣла — и въ огнѣ
Напомнила о старинѣ.
Все воспрянуло вновь! Загорѣлась любовь
Въ сердцѣ русскихъ людей; загорѣлася съ ней
И отвага въ груди. Въ часъ нежданной бѣды
Встали всѣ, какъ одинъ — и побѣдной волной
Разметали врага по отчизнѣ родной!
Ты сгорѣла до тла, жертву вновь принесла,
Но ты русское царство собою спасла
И исполнила вновь подвигъ царственный свой;
Твой пожаръ жегъ сердца по Руси всей родной!
Но съ смиреньемъ успѣхъ не къ себѣ отнесла
И Спасителю храмъ близъ Кремля вознесла [1]).

Навроцкій.

Москва.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блеща и играя.
        Вдругъ занялася пламенемъ она;
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая —
И запылалъ дворецъ Ростопчина...

---

[1]) На берегу Москвы рѣки, близъ Кремля, красуется величественный храмъ Христа Спасителя, построенный въ память избавленія нашего отечества отъ нашествія Наполеона въ 1812-мъ году. Послѣ изгнанія Наполеоновской арміи изъ предѣловъ Россіи, въ самый день Рождества Христова, вышелъ отъ Императора Александра Павловича манифестъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Спасеніе Россіи отъ враговъ есть явно изліянная на Россію благодать Божія, есть поистинѣ достопамятное событіе. Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ престольномъ городѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа. Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше». Храмъ былъ освященъ съ особою торжественностью въ маѣ 1883 года въ присутствіи императора Александра III.

Погибли созиданія столѣтій!
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
«Чтобы яснѣй вселенная прочла
Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала-бъ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!»

Бергъ.

Кремль.

Камни, священные камни Кремля! Вы, громады соборовъ!
Свѣтлые, съ краснымъ крыльцомъ, съ теремами царевенъ чертоги!
Башни, красивыя башни въ узорѣ изъ каменныхъ кружевъ!
Стѣны, по коимъ могла бы съ конями пройти колесница!
Русь воедино связалъ вѣковой вашъ незыблемый поясъ!...
Гдѣ благовѣстный звонъ Руси, во дни ея ликованій,
Царскихъ, народныхъ торжествъ, звончѣе кремлевскаго звона?
Гдѣ, въ дни былые, созывный набатъ на Руси былъ слышнѣе?
Чуть желѣзнымъ своимъ языкомъ и литыми изъ мѣди устами
Нашъ Великій Иванъ взговоритъ—Русь ту рѣчь разумѣетъ!
Сколько именъ, о, Москва! и привѣтливыхъ, и величавыхъ,
Дѣти тебѣ воздаютъ! и мало ли ласковыхъ прозвищъ!
То бѣлокаменной, то златоглавой тебя величаютъ!
Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей ихъ горькую юность;
Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ матерь, страдала!
Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ извергъ изъ себя чужеземца,
Двадцать народовъ съ собой приманившаго на пиръ незваный!
Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ медовъ недостало!
Угостила по-русски ты ихъ: истопила ты баню,
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по снѣгу!

Дмитріевъ.

Московскій Кремль.

Москва, Москва!.. Люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ великаномъ,

Помѣриться главою и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.
Ты живъ!.. Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.

Лермонтовъ.

Пѣснь богатырямъ русскимъ.

(Военная пѣсня).

Слава вамъ, герои сѣвера!
И вамъ, храбрые солдатушки!
Подшутили надъ врагомъ своимъ,
Врагомъ вѣры православныя,
Подшутили и потѣшились:
Скрѣпивъ сердце молодецкое,
Присмирѣли, пріутихли вы,
Будто, будто и не видите
Всѣхъ затѣй его неистовыхъ;
Будто, будто и не слышите
Стуку грознаго цѣпей его,
Кои несъ для нашей родины,
Для Россіи и для васъ самихъ,—
Вы вступить ему дозволили,
Въ царство русское, въ престольный градъ;
Вы дозволили занять Москву.
Всѣ народы изумилися,
Легковѣрные подумали:
Умерла Россія славная.
Изъ нихъ добрые поплакали,
Вспомня, сколь для всѣхъ добра была!
Начался грабежъ неслыханный,
Загорѣлись кровы мирные,
Запылали храмы Божіи,
Полилися слезы горькія
У старушки каменной Москвы.
«Гдѣ вы, гдѣ мои родимые?»
Начала такъ вопіять она:
«Куда, други, разлетѣлися,
Соколы, орлы могучіе?
Вы парили выше облака,
А теперь и въ виду васъ нѣтъ!
Какъ цвѣла я, красовалася,
Вы слеталися со всѣхъ сторонъ,
Васъ кормила, васъ поила я,
Веселила и покоила,
Было солнце—были вы со мной,
Насталъ черный день—вы покинули!
Иль сробѣли?—за неробкихъ Богъ!»
Соколы, орлы тутъ вскрикнули
Богатырскимъ громкимъ голосомъ:
«Не тужи ты, мать родимая,
Не печалься, не горюй, Москва!
Скоро славу поновимъ твою—
Будетъ время, будешь выше всѣхъ!
Позавидуютъ сынамъ твоимъ!
Ужъ недолго горевать тебѣ,
А врагу не долго тѣшиться,
Всѣхъ рабовъ его безчисленныхъ
Мы отправимъ во сыру землю
Сказать нашимъ дѣдамъ, прадѣдамъ,
Что дѣла ихъ у насъ въ памяти,
Что мы также любимъ родину!»
Какъ воскликнули, такъ и сдѣлали
Соколы, орлы могучіе:
Какъ снопы, враги попадали.
Слава вамъ, герои сѣвера!
И вамъ, храбрые солдатушки!
Великъ Богъ россійскій на небѣ,
Александръ великъ на сей землѣ.

О народной оборонѣ.

Неужто забыть намъ двѣнадцатый годъ?
Неужели нами забыты
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты?
Порогъ нашъ былъ попранъ, къ намъ грозной войной
Дванадесять вторглось языка,
И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.
Въ то время,—не въ писанномъ правѣ войны,
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.
Во гнѣвѣ возстали за честь очага
И старый и малый [1]) не даромъ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.
Доселѣ мы въ пѣсняхъ народныхъ поемъ,
На память великой той были,
Какъ мы, не стѣсняясь во гнѣвѣ своемъ,
Десятками тысячъ французовъ живьемъ
Въ родные сугробы зарыли.
И лава за лавой, по зову царя,
Стремились на брань ополченья,
Любовью къ отчизнѣ и местью горя.
И грозно свѣтила пожаровъ заря
На дерзкихъ враговъ отступленье.
Извѣдалъ тогда ужаснувшійся врагъ,
Узнали Европы народы,
Какъ грозенъ возстанія русскаго стягъ,

---

[1]) Въ народной оборонѣ принимали участіе помѣщики, священники, крестьяне и даже женщины; здѣсь особенно прославились старостиха Василиса, крестьянинъ Герасимъ Куринъ, майоръ Емельяновъ, гусаръ Самусь, помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ, священникъ Іоаннъ Скабѣевъ, дѣвица-кавалеристъ Дурова, сражавшаяся въ рядахъ регулярныхъ войскъ.

Подъятый въ могучихъ народа рукахъ
Во имя народной свободы!
Народною дланью Русь спасена!
Мы вѣрить привыкли съизмала,
Что тѣмъ-то была и права и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала...

Хитрово.

Французъ съ арміей валитъ [1].

Заводилася война
Середи бѣла дня:
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
«Казаки, вы, казаки,
Военные мои,
Удалые молодцы!
Безъ размѣрушки пейте
Зеленаго вина,
Посмѣлѣе поступайте [2])
Со французомъ воевать!»
— Ужъ мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ!
Онъ валитъ, таки валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всея матушку Россеюшку
Во полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!»
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ [3]) слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ!
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей!
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!»
На лужку было лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку,
Курилъ трубку табаку,
Для чего не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца-пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужъ мы билися, рубилися
Четырнадцать часовъ.
Съ пяти на десять пробило,

[1]) Эту пѣсню сложили и пѣли наши ратники и ополченцы въ 1812 г.
[2]) Двигайтесь впередъ.
[3]) Въ отвѣтъ.

Стали силу разбирать
И полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до осьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ [1]);
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ.
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ».

Партизанъ [2]).

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь—кровавый бой,
Родня—Донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара —
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) Руда—кровь.

[2]) Партизанской войной назывались мелкія стычки съ французами отдѣльно и самостоятельно дѣйствовавшихъ отрядовъ русскихъ добровольцевъ. Изъ партизанскихъ предводителей особенно прославились Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ, Фигнеръ.

Партизанская пѣсня.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ—
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,—
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча.

Казацкая пѣсня 1812 года.

Храбрые казаки
Въ дѣлѣ удальцы,
Гнаться-ль, биться-ль въ дракѣ—
Прямо молодцы!
Непріятель въ полѣ
У нихъ не зѣвай,
А нашъ братъ по волѣ
Съ ними отдыхай.
На коня взлетая,
Тронетъ удила,—
Жизнь, какъ наживная,
Ни по чемъ пошла.
Всюду: въ ровъ съ утесу,
На утесъ изъ рва,
Во полѣ, по лѣсу—
Сорви-голова.

Вспомни-кась: бывало
За двадцать годовъ,
Ужъ давно пугало
Имя казаковъ.
Да, мусье и паны
Лучше всѣхъ другихъ
Помнятъ ихъ арканы
И нагайки ихъ.
Что казакъ имъ русскій
Былъ не по рукѣ,—
Свидѣтель—французскій
Глаголъ «казаке»!
Храбрые казаки
Въ дѣлѣ удальцы,
Гнаться-ль, биться-ль въ дракѣ—
Прямо молодцы!

Пѣснь Донскому воинству.

(Военная пѣсня).

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ бреговъ,
Все запылало мщеньемъ-войною
Противъ враговъ.
Ай! Донцы!
Молодцы!

Только взгремѣло царское слово:
«Россы Полканы [1]), врагъ подъ Москвой!»
Тотчасъ сто тысячъ храбрыхъ готово
Броситься въ бой.
— Кто противъ Бога, кто противъ русскихъ!—
Выхвативъ саблю, рекъ атаманъ [2]):
— Праха не будетъ полчищъ французскихъ!
— Гдѣ вражій станъ?
— Царь православный! Всѣ мы готовы
— На супостата бранью идтить,
— Натискомъ быстрымъ адскіе ковы
Предупредить.
— Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
— Съ Дона до Рейна въ мигъ пролетимъ,
— Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога
И — отомстимъ!
— Вѣрь и надѣйся: Русь безопасна,
— Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка,
— Страшенъ арканъ нашъ, сабля ужасна,
— Пика мѣтка.
— Тщетны всѣ козни Наполеона,
— Не устрашитъ насъ множество силъ:
— Матери Божіей съ нами икона
— И Михаилъ [4]).
— Время на кони: врагъ наступаетъ,
— Вѣра святая къ брани зоветъ;
— Правымъ и вѣрнымъ Богъ помогаетъ:
— Дѣти, впередъ!
— Грянемъ на встрѣчу полчищъ французскихъ,
— Встанемъ, какъ горы, на уперти [3]),
— Да не посмѣютъ въ сердце странъ русскихъ
— Далѣ идти!
Грянули чада тихаго Дона:
Міръ изумился, врагъ задрожалъ,
Рушилась слава Наполеона—
И побѣжалъ.
Гдѣ ни посмотришь,—пики мелькаютъ,
Граду подобно стрѣлы шумятъ,

---

[1]) Богатыри.
[2]) Платовъ.
[3]) Знамя Михаила Архангела.
[4]) Въ упоръ на встрѣчу, какъ препятствіе пути.

Пули, какъ пчелы, роемъ летаютъ,
Сабли звучатъ.
Противъ силъ русскихъ не устояли
Полмилліона буйныхъ головъ:
Сернамъ подобно, вострепетали
Отъ казаковъ.
Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенье въ бѣгствѣ найтить,
Всѣми корыстьми жертвовать рады,—
Только-бъ уйтить.
Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Вранъ кровожадный палъ при орлѣ,
Кости и славу всѣ положили
Въ русской землѣ.
Такъ былъ разрушенъ замыселъ крамольный,
Такъ былъ ужасный врагъ истребленъ,
Такъ православный, первопрестольный
Градъ свобожденъ.
Богу силъ горнихъ благодаренье,
Честь и спасибо мудрымъ вождямъ,
Слава монарху, царству спасенье,
Лавры Донцамъ!
Ай! Донцы!
Молодцы!

Платовъ.

(Историческая пѣсня).

Ни двѣ тучушки, ни двѣ грозныя вмѣстѣ сыходилися:
Двѣ армеюшки превеликія вмѣстѣ съѣзжалися,
Французская армеюшка съ россійскою;
Какъ французская россійскую очень призобидѣла.
Ни ясенъ соколъ по крутымъ горамъ—соколикъ вылетывалъ,
Александра царь по армеюшкѣ конемъ рѣзко [1]) бѣгаетъ,
Онъ журитъ-бранитъ россійскаго повелителя [2]):
«Мы на што про што сами худо сдѣлали,
Для же мы покинули сзади полки донскіе?»
Не успѣлъ бы [3]) нашъ Александра царь слово молвити,

[1]) Рѣзво.
[2]) Кутузовъ.
[3]) Было.

Сы правой руки—сы сторонушки бѣгутъ полки донскіе,
Напередъ у нихъ выбѣгаетъ Платовъ генералушка,
Обнажомши вострую сабельку—ее наголо держалъ.
Приложили вострыя пики ко чернымъ гривамъ,
Закричали-загичали, сами на ударъ пошли.
Тутъ французская армеюшка очень потревожилась,
Бонапартскія знаменушки назадъ воротилися.
Какъ во ту пору Александра царь очень много радовался,
Называетъ онъ донскихъ казаковъ всѣхъ кавалерами,
А урядниковъ называетъ всѣхъ офицерами,
Офицерушковъ называетъ маіорушками,
Маіорушковъ называетъ полковничками,
А полковничковъ называетъ генералушками.

Платовъ у Наполеона [1].

(Историческая пѣсня).

Споемте, братцы, пѣсню про Платова казака, удалова молодца.
Ужъ какъ Платовъ-то казакъ всѣмъ воинамъ воинъ былъ,
Государь его любилъ, часто звѣздами дарилъ.
Собирался графъ Платовъ на Архангелъ во Покровъ [2])
Къ Бонапарту побывать, насмѣшечку отсмѣять;
Платовъ бороду обрилъ, къ Бонапарту въ гости былъ.
Бонапартъ-то не узналъ, за купчину принималъ,
За уборный столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
Рюмку водки наливалъ, (онъ) Платова угощалъ:
«И ты выкушай, купчина, ты купеческій сынокъ!
Всю Росею вашу знаю, генераловъ всѣхъ спознаю,
Одного только не знаю,—(я) Платова казака:
Я бы много злата далъ, кто-бъ Платова указалъ!».

---

[1]) «Славный атаманъ войска Донского, Платовъ, неутомимо преслѣдовалъ французовъ во время ихъ бѣгства изъ Россіи, а около Ковно и Вильны нанесъ окончательное пораженіе великой арміи, отбивъ болѣе 500 пушекъ, 30 знаменъ, 7.000 плѣнныхъ и все серебро, награбленное французами въ Москвѣ. Въ кампаніи 1813, 14 и 15 годовъ онъ продолжалъ сражаться съ тѣмъ же безстрашіемъ и снискалъ извѣстность въ Европѣ. И въ русской народной тогдашней эпопеѣ изъ всѣхъ историческихъ лицъ того времени Платовъ занялъ главное мѣсто. Приводимая здѣсь пѣсня разсказываетъ, конечно, про такой подвигъ Платова, котораго на самомъ дѣлѣ не было, но который могъ бы быть совершенъ храбрымъ атаманомъ, благодаря его удали и отвагѣ».

[2]) 1 октября.

— Вотъ, зачѣмъ злато терять, можно такъ его узнать;
Онъ портретецъ вынималъ, на бѣлыя руки клалъ:
— Вотъ портретецъ мой, словно братецъ мнѣ родной!—
— Словно братецъ мнѣ родной, отца съ матерью одной!—
Бонапартъ-то догадался, изъ палатъ вонъ побѣжалъ,
А и Платовъ не сидѣлъ, сѣлъ на коня—полетѣлъ.
Онъ по ступочкамъ [1]) скакалъ—все записочки бросалъ:
— Ты ворона, ты ворона, ты французскій король!
— Не умѣла ты, ворона, ясна сокола ловить:
— Выѣзжай же ты, ворона, въ чисто поле погулять,
— Въ чисто поле погулять, съ казаками поиграть!—
Наши зачали палить,—только дымъ столбомъ валитъ;
Ужъ какъ пули-то летѣли на Саксонски берега,
На Саксонски берега, на зеленые луга.

Посланіе къ Дашкову.

(Разореніе Москвы французами).

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары,
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ,
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы

[1]) По ступенькамъ.

Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей [1])
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ
строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты, [2])
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Батюшковъ.

Посланіе къ Жуковскому.

(Разореніе Москвы французами).

Итакъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой;
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило!
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена.
Здѣсь красится дней нашихъ старина,
Дней сладости и ясныхъ, и веселыхъ,
Мелькнувшихъ намъ едва и отлетѣлыхъ.
Но что̀ теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И степь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица,—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край и слезъ, и нищеты.
Здѣсь блѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ застаетъ румяная денница
Въ слезахъ, и ночь ихъ застаетъ въ слезахъ.

[1]) Цирцея—волшебница у древнихъ грековъ.
[2]) Музы—греческія богини наукъ и искусствъ; хариты—богини красоты у древнихъ грековъ.

А тамъ старикъ, прибредшій на клюкахъ
На хладный пеплъ родного пепелища,
Не узнаетъ знакомаго жилища,
Гдѣ онъ, склоня главу на дщери грудь,
Мнилъ въ тишинѣ сномъ вѣчности заснуть;
Теперь одинъ рукою молитъ нищей
Онъ для себя пріюта на кладбищѣ.
Пусть будетъ тихъ его послѣдній часъ,
Пускай мечты его обманутъ муку,
Пусть слышится ему дочерній гласъ,
Пусть въ гробъ сходя, онъ мнитъ подать ей руку!
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ картинъ,
Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный,
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,
Летитъ теперь, отмщеньемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И роковымъ постигнутый ударомъ
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
«Москва, я твой питомецъ съ юныхъ поръ,
«И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!»
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, унынью посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ;
Здѣсь тусклъ зари пылающій вѣнецъ,
Здѣсь мраченъ день въ краю опустошеній,
И скорби сынъ, развалинъ сихъ жилецъ,
Склоня чело, объятый думой геній,
Гласитъ на нихъ протяжно: нѣтъ Москвы!
И хладный прахъ, и рухнувшіе своды,
И древній Кремль, и ропотныя воды
Ужасной сей исполнены молвы.

Вяземскій.

Послѣ занятія Москвы Наполеономъ.

(Военная пѣсня).

Гдѣ ты, матушка бѣлокаменна,
Москва красная, златоглавая,

Царства русскаго дщерь любимая,
Милой родины коренной удѣлъ,
Царя бѣлаго самопервый градъ,
Трудолюбія мать заботлива,
Древней старости слава вѣчная!
Гдѣ краса твоя?... гдѣ величіе?
Облаковъ главой ты касалася,
И молвой людской возносилася;
Чѣмъ гордятся православные,
Дѣти вѣрные, люди русскіе...
Но гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
Гдѣ глава твоя престарѣлая?
Ужъ не видимъ мы золотыхъ крестовъ,
Крыльца Краснаго, славной площади,
Зданій пышныхъ, ни Кремлевскихъ стѣнъ,
Ни князей, бояръ, палатъ каменныхъ,
Ни купеческихъ свѣтлыхъ теремовъ,
Ни убогаго мирной хижины...
Ужъ не слышимъ мы колокольный звонъ!
Ахъ, не слышимъ мы пѣсней радостныхъ.
Пепелъ, смрадъ и страхъ и развалины —
Вотъ что̀ видится въ Москвѣ матушкѣ;
Вопли, стонъ и печаль, вотъ что̀ слышится
Въ славномъ городѣ царства русскаго!
А Москва-рѣка обагрилася,
Не струей течетъ, но котломъ кипитъ,
Не мосты по ней, тѣла мертвыя,
Не суда плывутъ, жертвы мщенія:
Чудо дивное, небывалое,
Во святой Руси совершилося:
Послѣ двухъ вѣковъ славы, счастія,
Страна русская сокрушилася
Такъ, какъ встарь было, во время слезное,
Во нашествіе злыхъ литовскихъ силъ.
Сокрушилъ ее не сарматъ [1]) лихой,
Не Отрепьевъ [2]) злой, самозванный царь;
Погубилъ ее врагъ неистовый,
Корсиканецъ злой, ада выродокъ...
Встань, Пожарскій князь, встань, великій мужъ,
Отъ глубока сна пробудись на часъ,

---

[1]) Сарматъ—полякъ.
[2]) Отрепьевъ—Лжедимитрій.

Собери ты рать, рать могучую,
Силу грозную, богатырскую;
Распали ты кровь храбрыхъ воиновъ,
Ободри ты духъ русскихъ юношей,
Поведи полки исполинскіе
На разбойника Бонапартія.
Тѣнь священная! устраши враговъ,
Отомсти ты злымъ за отечество,
За престольный градъ, за славянску кровь!
Ты разсѣй во прахъ адски полчища,
Сокруши врага нечестиваго,
Защити еще царство славное;
Ты прославь, прославь вѣру русскую,
Царя бѣлаго, храбро воинство!

Хоть Москва въ рукахъ французовъ.

(Военная пѣсня).

Хоть Москва въ рукахъ французовъ:
Это, право, не бѣда,—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.
Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней:
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.
Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужъ близко... Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ окруженъ своей дубравой,

Петровскій замокъ! [1]) Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля;
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный
даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ.

Пушкинъ.

Ворона и курица [2]).

Когда Смоленскій князь [3]),
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ [4]) сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что-жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло;
Вотъ ваши сестры—какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ,
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться

[1]) Въ концѣ Петровскаго парка стоитъ великолѣпный Петровскій дворецъ, построенный при Екатеринѣ II; въ этомъ дворцѣ останавливаются наши государи передъ въѣздомъ въ Москву на коронацію и въ немъ жилъ Наполеонъ во время пожара Москвы.

[2]) Въ этой баснѣ рисуются бѣдствія французовъ въ Москвѣ отъ голода. Подъ вороной, погнавшейся за лакомымъ кускомъ, разумѣется Наполеонъ, обманувшійся въ своихъ разсчетахъ.

[3]) Кутузовъ, получившій послѣ сраженія подъ Краснымъ титулъ «князя Смоленскаго».

[4]) Французамъ. Вандалы — древній германскій народъ, отличавшійся грубостью нравовъ.

Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.
Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

Крыловъ.

Волкъ на псарнѣ [1]).

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня», кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,

[1]) Въ этой баснѣ изображается стѣсненное положеніе Наполеона послѣ занятія Москвы и его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, представленнымъ въ образѣ стараго ловчаго. Разсказываютъ, что Кутузовъ прочиталъ эту басню собравшимся вокругъ него, послѣ сраженія при Красномъ, офицерамъ и при словахъ: «а я, пріятель, сѣдъ»... снялъ фуражку, потрясая своею сѣдою головою и тѣмъ какъ бы намекая на свое сходство съ ловчимъ.

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я»...—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

Обозъ[1]).

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ:
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчекъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору?
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ!

[1]) Эта басня, въ которой въ образѣ добраго коня, вынесшаго на своемъ крестцѣ тяжелый возъ, изображенъ Кутузовъ, является лучшимъ оправданіемъ дѣйствій Кутузова, который, несмотря ни на общіе упреки въ медлительности и бездѣйствіи, ни на порывы своихъ сподвижниковъ, не измѣнилъ своего плана войны: стараться ослабить французовъ, уклоняясь отъ рѣшительной битвы.

Не бойсь минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулась лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ вбокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!
Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Крыловъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ [1]).

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами:
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

---

[1]) Въ 1812 г. Жуковскій увлекся общимъ патріотическимъ настроеніемъ, поступилъ въ московское ополченіе и сопровождалъ армію до Вильны, гдѣ заболѣлъ и долженъ былъ оставить службу. Во время этого похода, въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, онъ написалъ поэму «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», которая дала ему громкую извѣстность; эта поэма, вдохновленная патріотическимъ чувствомъ, одушевляла и приводила въ восторгъ современниковъ поэта. Она начинается съ сочувственнаго воспоминанія о нашихъ древнихъ герояхъ и затѣмъ переходитъ къ современнымъ героямъ отечественной войны и прославляетъ ихъ. Герои отечественной войны: князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, Ермоловъ, Раевскій, графъ Милорадовичъ, графъ Витгенштейнъ, графъ Коновницынъ, атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ, Тучковъ, графъ Беннигсенъ, графъ Остерманъ, графъ Тормасовъ, Багговутъ, Дохтуровъ, князь Воронцовъ, князь Щербатовъ, графъ Паленъ, графъ Строгановъ, партизаны Фигнеръ, Сеславинъ и Давыдовъ, князь Кудашевъ, князь Чернышевъ, графъ Орловъ-Денисовъ, Кайсаровъ, Кульневъ, графъ Кутайсовъ, князь Багратіонъ, князь Барклай де-Толли, графъ Сенъ-При, Невѣровскій, Ланжеронъ, Ланской, главнокомандующій Москвы графъ Ростопчинъ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино—
Веселіе героя!
Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги,
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами.
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами...
Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть, все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость, бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ:
Одной пылаемъ славой.
Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.
Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами! [1])
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины... [2])
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами

---

[1]) Кутузовъ.

[2]) 17 августа 1812 г. Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ, пріѣхалъ къ войскамъ въ Царево-Займище и сталъ объѣзжать лагерь, и въ это время, говорятъ, огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова и парилъ надъ нимъ.

Онъ первый грудь противъ мечей
  Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
  Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
  Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
  Петрополя спаситель,
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
  Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
  Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
  Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
  Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
  Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
  Нашъ Коновницынъ смѣлый!...
Ничто ему толпы враговъ,
  Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
  И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
  Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
  Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
  И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
  Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
  Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
  По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
  Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
  Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
  Лишь къ селамъ—пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ [1]) — Беннигсонъ!
  И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
  Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
  Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
  Какъ юноша веселый!
И Багговутъ среди громовъ,
  Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
  Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
  О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
  Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
  Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
  За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
  Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
  Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье бранный щитъ;
  Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
  «Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
  Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
  Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши-жъ, о, витязь нашъ, воспрянь;
  Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,

[1]) Несторъ, одинъ изъ героевъ Троянской войны, считался въ греческомъ войскѣ главнымъ совѣтникомъ въ военныхъ дѣлахъ.

И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживитъ
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.
Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья,
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья,
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.
Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.
Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,

Тамъ брань его сразила [1]);
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣднiй часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенный.
А ты Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ,
Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?.. [2])
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день прiятнѣй,
И тихiй духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратiонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы, намъ! скоро грянетъ».
А онъ навѣки взоръ смежилъ, [3])
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!
И честь вамъ, падшiе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.
Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ

[1]) Кульневъ убитъ въ 30 верстахъ отъ мѣстечка Люцина, гдѣ жила его мать и гдѣ провелъ онъ свое младенчество.

[2]) Кутайсовъ палъ въ Бородинской битвѣ на 29 году своей жизни; тѣло его не было найдено и обстоятельства послѣднихъ минутъ его жизни остались неизвѣстны.

[3]) Багратiонъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженiи подъ Бородинымъ; армiя нѣсколько времени надѣялась на его выздоровленiе, но все было напрасно. Багратiонъ былъ ученикъ Суворова въ военномъ искусствѣ. Державинъ посвятилъ ему слѣдующее четырехстишiе:

О, какъ великъ На—полѣ—онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог—рати—онъ.

Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села — въ пепелъ, грады — въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги.
Злодѣй! [1]) онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.
Веди-жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади,
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что̀ сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Жуковскій.

Вождю побѣдителей [2]).

О, вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;

[1]) Наполеонъ I.

[2]) Это стихотвореніе было написано послѣ сраженія подъ Краснымъ (6 ноября 1812 г.), гдѣ Кутузовъ нанесъ такое серьезное пораженіе отступавшей изъ Москвы великой арміи Наполеона, что она послѣ этой битвы пришла въ окончательное разстройство.

Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ.
Надменный сей [1]) не ею-ль былъ хранимъ!
Вотще пески Ливийскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій челнъ;
Ступилъ на брегъ—въ рукѣ его корона;
Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужъ онъ царей-рабовъ своихъ созвалъ...
И возстаютъ могучіе тевтоны,
Достойные Арминія [2]) сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы; [3])
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ [4]), и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю вослѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ—ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О, замыслы! о, неба судъ ужасный!
О, хищный врагъ!.. и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щитъ и мечъ бросаютъ съ знаменами,
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ,
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отечески поля,
Обречены въ добычу истребленью,

[1]) Наполеонъ.
[2]) Арминій или Германъ былъ вождемъ тевтоновъ (германцевъ) въ войнѣ съ римлянами (I в.).
[3]) Сарматы—поляки.
[4]) Нордъ—сѣверъ.

И будетъ гробъ имъ русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ—и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!
О, сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ — [1])
А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды,
И рядъ побѣдъ—полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда-жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!..
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ;
Передъ тобой вѣнцы, трофеи [2]) брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани:
«Вотъ онъ! вотъ онъ! сей грозный вождь, нашъ щитъ;
Сколь величавъ грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!»
Когда-жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ—
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ.
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,

[1]) Оттоманъ—турокъ.
[2]) Трофей—свидѣтельство о побѣдѣ, въ видѣ оружія, отнятаго у непріятеля знамени и другихъ предметовъ.

И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: «мной дана имъ тишина».
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Въ семействѣ скажетъ: «имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила».
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
«Его рука мнѣ милыхъ сохранила».
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о, вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

Жуковскій.

Денису Васильевичу Давыдову.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать, Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ [1]).
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты—и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ, и радостенъ, и смѣлъ.
Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ.
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ шведомъ былъ,
И на финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.
Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ.
Но тогда лишь собиралась
Прямо — Русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ — и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна.
Чу, труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей!
Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,

[1]) Суворовъ пріѣхалъ однажды въ имѣніе родителей Давыдова и благословилъ понравившагося ему мальчика.

Это фениксовъ [1]) костеръ!
  Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ;
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!
  Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!
  Удальцовъ твоихъ налетомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь,
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный, дикій бой!
  Лучезарна слава эта,
И конца не будетъ ей!
Но такія-жъ многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.
  Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвшая войну.
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ,
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
Полный нѣги и прохладъ.

Языковъ.

Однимъ меньше.

(На смерть партизана Дениса Давыдова).

Гдѣ ты, нашъ воинъ-стихотворецъ?..
Вдвойнѣ отчизнѣ милый сынъ,
Ея пѣвецъ и ратоборецъ,
Куда ты скрылся?.. Ты одинъ
Не пробужденъ еще призывомъ,
Собравшимъ тысячи полковъ;
Одинъ всеобщимъ войскъ приливомъ,
Единодушнымъ ихъ порывомъ
Не привлеченъ на пиръ штыковъ.

---

[1]) Фениксъ—миѳическая птица древнихъ египтянъ, по виду похожая на орла; самъ себя сжигалъ каждыя 500 лѣтъ, чтобы вновь возродиться изъ пепла; символъ вѣчнаго обновленія.

Проснись!.. Всѣ русскія дружины
Шлютъ представителей своихъ
На Бородинскія равнины
Свершить поминки битвъ святыхъ.
Проснись!.. тамъ всѣ ужъ остальные,
Всѣ однокашники твои,—
Съ кѣмъ ты дѣлилъ труды былые,
Съ кѣмъ ты въ торжественные дни,
За наши рубежи родные,
За Русь, за вѣру въ бой леталъ;
Предъ кѣмъ губительной стрѣлою
Кровавый путь ты пролагалъ;
Кого, какъ молнья предъ грозою,
Съ своей ватагой удалою
Врагамъ ты смертью предвѣщалъ...
Всѣ тамъ!.. Вожди ужъ съ удивленьемъ
Тебя искали межъ собой;
Солдаты наши съ нетерпѣньемъ
Уже справлялись: «гдѣ-жъ лихой?..»
И онъ, хозяинъ вседержавный,
Кто храбрыхъ царски угощалъ,
И онъ, быть можетъ, вопрошалъ:
«Гдѣ званый гость?.. гдѣ ратникъ славный?..»
И вотъ, на смотръ весь станъ спѣшитъ;
Вотъ выстрѣлъ заревой раздался...
Грохочетъ пушка, штыкъ блеститъ...
И поле стонетъ и дрожитъ...
Какъ будто-бъ снова разгорался
На жизнь и смерть Европы бой...
Какъ будто-бъ годъ нашъ роковой
Двунадесятый возвращался!..
Но до тебя не достигалъ
Ни шумный гулъ, ни зовъ почетный!
Твой стихъ замолкъ; твой мечъ упалъ;
Ты самъ, какъ призракъ мимолетный,
Въ мигъ изъ среды живыхъ пропалъ...
Такъ! безъ тебя торжествовала
Россія день Бородина...
И въ часъ молебствія она,
Когда защитниковъ считала,—
«Еще однимъ ихъ меньше стало!..»
Сказала, горести полна.

Ростопчина.

Сказаніе о 1812 годѣ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы).

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе разсчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ; и, въ дремотѣ,
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери [2]) стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ [3]),
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, Императоръ —
«Князь, вы видите!»—воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется—на что же?»
«Государь!»—въ отвѣтъ посланникъ—
«Взять въ разсчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!»
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,

---

[1]) Наполеонъ I.
[2]) Во дворцѣ французскихъ королей въ Парижѣ.
[3]) Русскій посланникъ князь Куракинъ.

А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира —
Мира нѣтъ!.. И днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ—
Весь народъ!»...
И безнадежно
Въ даль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

Майковъ.

Пожаръ Москвы. Бѣгство Наполеона.

Дождь и туманъ. Видны села пустыя.
Что-то горитъ... То Москва —
Чадолюбивая мать за Россію
Въ жертву себя принесла.
Мы со смиреніемъ все выносили.
Былъ благотворенъ пожаръ:
Онъ побѣдителю, гордому въ силѣ,
Страшный готовилъ ударъ.
Малость въ спаленной Москвѣ загостилась
Двунадесятая рать;
За поруганье святынь осудилась
Смертныя муки принять.
Встрѣтивъ преграду въ предѣлахъ Калуги,
Прежней дорогой пошли.
Наши союзники—зимнія вьюги
Къ нимъ той порой подошли.
Дохлые кони была ихъ трапеза,
Ложемъ—промерзлость земли,
Холодъ и голодъ, чугунъ и желѣзо
Смерть отовсюду несли!
Сгибли, какъ мухи! Но врагъ не смирился,
Помнилъ побѣдъ ореолъ;
Долго съ союзными силами бился
Онъ, какъ сраженный орелъ.
Смолкнули битвы... Крутая расплата...
Стали мирить дѣлежи:

Божія нива кровавая сжата
Вся, до парижской межи.

Навроцкій.

Щука и котъ [1]).

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.
Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ,
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли [2]).

[1]) Поводомъ къ сочиненію этой басни послужили неудачныя военныя дѣйствія адмирала Чичагова противъ Наполеона въ 1812 г. Адмиралъ Чичаговъ былъ морякомъ и взялся помѣшать Наполеону перейти черезъ Березину, что ему и не удалось.

[2]) Намекъ на неудачное отступленіе Чичагова отъ Борисова на правую сторону Березины, причемъ были потеряны многіе изъ полко-

Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

Смоленскъ и Березина.

(Историческая пѣсня).

Какъ повыше было Смоленска города,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею, подъ зеленою,
Подъ березою кудрявою,
На большомъ зеленыемъ лугу,
Стоялъ тутъ лагерь русской арміи,
Русской арміи, гвардейскихъ солдатъ.
Призадумавшись сидятъ, на Смоленскъ городъ глядятъ:
Овладѣли славнымъ городомъ непріятельски полки,
Ужъ досталось все святое непріятельскимъ рукамъ.
«Какъ бы, братцы, намъ приняться, Смоленскъ городъ свободить,
Смоленскъ городъ свободить, непріятеля побить?»
Вдругъ послышалась тревога
У палатки командирской:
Всѣ солдаты встрепенулися,
Ружья взявши, въ ряды становилися.
Какъ и вышелъ передъ войско Волконскій князь,
Волконскій князь, командиръ этихъ солдатъ;
Ужъ и взговоритъ солдатамъ Волконскій князь:
«Охъ, вы, храбрые солдаты, государю вѣрные,
Государю вѣрные, командиру послушные!
Мы пойдемъ-ко къ непріятелямъ гостить,
Къ непріятелямъ гостить, Смоленскъ городъ свободить!»
Какъ пошли-то солдатушки Смоленскъ городъ свобождать,
Смоленскъ городъ свобождать, французовъ выгонять;
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, въ непріятеля палили,

выхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова, а также были брошены наши раненые и больные.

Много били, истребили, остальныхъ-то полонили,
Полонивши ихъ, топили во Березонькѣ рѣкѣ.
Потопивши отдыхали на зеленомъ на лугу,
На зеленыемъ лугу пѣсни пѣли во кругу.

25 декабря 1812 года [1].

Россія, дивная держава!
И церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава
Въ годину скорби роковой:
Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ,—
Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: Съ нами Богъ!
Полъ-вѣка болѣе ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества,
Съ пророкомъ вмѣстѣ восклицая:
«Языки; знайте—съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;
Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей незнакомъ гордынѣ—
Не знаетъ мира злобный міръ!»

Бутовскій.

На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ [2].

Произнеси въ семъ храмѣ, нечестивый,
Чтó—божество?..

[1]) Въ Высочайшемъ приказѣ войскамъ 25 декабря 1812 г., послѣ указанія на помощь Божію при изгнаніи враговъ, сказано: «Остается еще вамъ перейти за предѣлы наши не для завоеванія или внесенія войны въ земли сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины: вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ свободу и независимость. Да будутъ они друзья наши! Отъ поведенія вашего зависѣть будетъ ускореніе мира. Вы русскіе! Вы христіане! нужно ли при сихъ именахъ напоминать вамъ, что должность воина есть быть храбрымъ въ бояхъ и кроткимъ во время переходовъ и пребываній въ мирныхъ земляхъ? Я не угрожалъ вамъ наказаніями: ибо знаю, что никто изъ васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли въ землѣ нашей грабителей, расхитившихъ дома невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ. Кто же захочетъ имъ уподобиться? Если кто паче чаянія таковый сыщется, да не будетъ онъ русскій, да исторгнется изъ среды васъ, воины! Сего требуетъ и ожидаетъ отъ васъ ваша Православная вѣра, ваше Отечество и Царь вашъ».

[2]) Они стоятъ у главныхъ дверей, налѣво при входѣ; на одномъ изъ нихъ съ якобинскими колпаками, нарисованными по угламъ, и есть надпись: «Qu'est ce que Dieu?»

Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ вѣры торжество.
Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе столпивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли.—
Уже торжествовало!
И крестъ, и скипетръ попрало въ прахъ,
И кровію царя [1]) на гордыхъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало.
И кликъ ужасный: «Бога нѣтъ»
Уже, какъ ада ревъ, смутилъ весь Божій свѣтъ...
И гдѣ титановъ легіоны,
Гдѣ богоборныя, кровавыя знамена,—
Во храмѣ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожащія передъ его святыней,
Поникнули у прага алтаря
Съ уничиженною безбожія гордыней.

Гнѣдичъ.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1 января 1813 года.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый,
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь, дымяся, тлѣетъ,
И хладный, какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:

---

[1]) Національный Конвентъ превозгласилъ французскую республику, казнилъ короля Людовика XVI (1793 г.), отмѣнилъ христіанскую религію и объявилъ поклоненіе новому божеству—Разуму.

Несутъ полки славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь младой [1])
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой...

Батюшковъ.

На смерть Кутузова [2]).

(Военная пѣсня).

«Что, солдатушки, что кручинны такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
Ужъ не дрогнуло-ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крѣпкія?
Не колыхнулся-ль вашъ булатный штыкъ?»
Какъ промолвили всѣ солдатушки:
«Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ!
Не дрожать сердцу русскому, богатырскому!
А печаль-тоска, горе лютое,
Отъ очей, какъ ночь, гонитъ бѣлый свѣтъ.
Ахъ! не солнышко закатилося,
Не свѣтелъ мѣсяцъ тучей кроется,—
Какъ отъ насъ ли, отъ солдатушекъ,
Отошелъ нашъ батюшка Кутузовъ князь,
Не за горы за высокія —

---

[1]) 1 января 1813 г. русскія войска подъ начальствомъ Кутузова перешли черезъ Нѣманъ и начали войну за освобожденіе Германіи; Александръ I лично находился при войскѣ.

[2]) Кутузовъ умеръ 16 апрѣля 1813 г. въ нѣмецкомъ городѣ Бунцлау въ началѣ войны за освобожденіе Германіи. Его тѣло отвезли въ Петербургъ и предали землѣ подъ сводами Казанскаго собора, украшеннаго внутри знаменами, отнятыми знаменитымъ полководцемъ у французовъ въ 1812 г. Александръ I въ собственноручномъ письмѣ ко вдовѣ Кутузова говорилъ, «что въ честь покойнаго воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, а чужестранецъ уважать землю, порождающую столь великихъ мужей». Памятникъ Кутузову поставленъ въ Петербургѣ на площади передъ Казанскимъ соборомъ.

Отошелъ онъ отъ насъ въ мать сыру землю.
Ахъ! не темный боръ завылъ-зашумѣлъ, —
Разрыдалося, слезно всплакало
Войско русское, христіанское.
Какъ не плакать намъ, не кручиниться?
Нѣтъ отца у насъ, нѣтъ Кутузова!
Какъ бывало намъ онъ возговоритъ:
Вы ли, русскіе добры воины,
Вы-ль солдатушки царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, православнаго,
Вы припомните приказаніе,
Приказаніе богатырское,
Какъ Суворовъ шелъ по крутымъ горамъ,
Какъ онъ войско велъ позаоблакамъ,
Онъ солдатушкамъ завѣтъ давалъ:
«Вы, солдатушки земли русскія,
Къ царю русскому вѣрой твердые,
Вы не бойтеся ни злодѣевъ злыхъ,
И ни холоду, и ни голоду».
Разгорѣлися всѣ солдатушки,
Какъ онъ, батюшка, далъ приказъ такой;
Какъ онъ кланялся солдатушкамъ,
Какъ показывалъ сѣдины свои,
Мы, солдатушки, въ одинъ голосъ всѣ
Прокричимъ: «ура! ура! съ нами Богъ!»
И идемъ въ походъ припѣваючи.
Ахъ! и зимушка не знобила насъ,
И безхлѣбица не кручинила;
Только думали, какъ злодѣевъ гнать
Изъ родимыя земли русскія.
Побѣжалъ злодѣй не оглядкою,
Побѣжалъ злодѣй со злодѣями.
Мы за нимъ вослѣдъ — и бить некого!
Такъ потѣшился нашъ отецъ родной,
Нашъ отецъ родной и царевъ слуга.
Ахъ! лишь въ радости по своей землѣ,
По своей землѣ, по Руси святой,
Возопили мы: «Великъ русскій Богъ!»
Ужъ печаль-тоска налегла на грудь:
Нѣтъ Кутузова, славна воина!
Мы-ль, солдатушки православные,
Позабудемъ то, завѣщалъ что̀ намъ?
Нѣтъ, не радуйся, супостатъ лихой!

Съ нами Богъ земли русскія,
Съ нами память славна воина,
Славна воина, Кутузова.
Не кажись, злодѣй — грудью бросимся;
Не страшна намъ смерть, ты увидишь самъ.
У престола Бога Вышняго
За насъ молится нашъ отецъ родной;
А мы молимся о душѣ его
И клянемся всѣ клятвой русскою
Послужить впередъ, какъ служили съ нимъ».

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой [1])
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ [2]).
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ:
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Пушкинъ.

Кутузову.

(Военная пѣсня).

О, Кутузовъ! Истребитель
Человѣчества враговъ!
Ты отечества спаситель,
Богатырь ты всѣхъ вѣковъ!
Хвала, хвала тебѣ, герой!
Попранъ, растерзанъ галлъ тобой.
Слава вѣчно не затмится,
Не увянетъ твой вѣнокъ:
Гулъ чрезъ вѣки такъ промчится,
Какъ чрезъ горы чистый токъ.
Хвала, герой, тебѣ хвала!
Россію длань твоя спасла.
Тѣнь священная! прострися
Къ намъ изъ облачныхъ долинъ,
Кликомъ нашимъ взвеселися:
Память мы твою блажимъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ тебѣ хвала!
Россію длань твоя спасла.

[1]) Гробница князя Кутузова Смоленскаго находится въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. На гранитныхъ колоннахъ, между которыми помѣщается гробница, развѣшаны знамена, отбитыя у французовъ.

[2]) Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ и др.

Переходъ черезъ Рейнъ [1].

Межъ тѣмъ какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о, Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю
И грудь, усталую въ бою,
Желанной влагой обновляетъ...
О, радость! я стою при рейнскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окрестность бросяя взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
Ты льешься, Рейнъ величавый!
Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О, Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь Кесарь [2]) бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Рейнъ, воды.
Вѣка мелькнули; міръ крестомъ преображенъ:
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
Здѣсь витязи вооружились [3])
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые — и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой трубадуровъ [4]) лиры.

---

[1]) Союзныя войска, съ императоромъ Александромъ во главѣ, послѣ битвы подъ Лейпцигомъ, перенесли войну въ самую Францію и въ началѣ 1814 г. перешли за Рейнъ.

[2]) Знаменитый римскій полководецъ Юлій Цезарь (I в. до Р. Х.) во время галльской войны два раза переходилъ за Рейнъ въ предѣлы Германіи.

[3]) Поэтъ вспоминаетъ времена рыцарства въ Германіи и Франціи.

[4]) Трубадуры — средневѣковые лирическіе поэты.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.
Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ [1]) современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.
Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ до нашихъ дней спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы
Склонилъ чело, увы! позналъ и стыдъ и плѣнъ...
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы [2]) новаго стеналъ
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками?
Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зарейнскихъ сыновъ?
Давно-ль они, кичася, пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?
И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,

---

[1]) Барды — пѣвцы у древнихъ галловъ, воспѣвавшіе подъ звуки арфы подвиги боговъ и героевъ.

[2]) Аттила, гуннскій царь (V в. по Р. Х.), совершилъ много завоеваній и за свою жестокость въ покоренныхъ странахъ былъ названъ бичемъ Божіимъ. Здѣсь подъ Аттилой подразумѣвается Наполеонъ.

От̀ъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство россіянъ;
Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ [1])
Царю, отчизнѣ благодарной.
Мы здѣсь, о, Рейнъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей!
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
«Ура» побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.
Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей;
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои
Въ текучей влагѣ отраженны;
Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ —
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ;
Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомъ,
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ

[1]) Поэтъ говоритъ о супругѣ Александра I, императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, урожденной принцессѣ баденской.

И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...
Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ
И Богу сильныхъ Маккавеевъ.
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей:
Его, шумя, пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.
Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы.
Тебѣ, подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ,
Дымятся мирныя кадилы.
И се подвигнулись—валитъ за строемъ строй!
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройскій,
Досель неслышанный, о, Рейнъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимный,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ—
Отъ глазъ, въ дали теряясь дымной!..

Батюшковъ.

Подъ Парижемъ.

(Историческая пѣсня).

Подъ славнымъ было городомъ Парижемъ,
Собиралося россійское славное войско.
Они лагери занимали въ чистомъ полѣ,
Шанцы [1]) и батареи тамъ порыли,
Пушечки и мортирушки тамъ становили.
Константинъ [2]) то нашъ по арміи разъѣзживаетъ,

[1]) Шанцы—земляные окопы, полевыя укрѣпленія.
[2]) Записана отставнымъ солдатомъ, бывшимъ на Парижскомъ смотру. «Константинъ Павловичъ, прибавлялъ онъ, обѣщалъ пустить насъ погулять въ Парижѣ посвойски, а Благословенный не позволилъ».

Онъ пѣхоту и кавалерію разсчитываетъ:
«Надѣвайте вы, солдатушки, платье бѣло,
«По утру вамъ, милые, будетъ дѣло!
«Когда Богъ вамъ поможетъ Парижъ взяти,
«Отпущу я васъ, любезны, въ него погуляти!»
Собирался-снаряжался графъ Кутузовъ,
Со своими со любезными полками,
Со своими со дородными молодцами.
Выѣзжали во чисто поле гуляти,—
Не гуляти выѣзжали,—воевати.
Въ полонъ брали французскаго маіора,
Повели того маіора къ фельдмаршалу,
Что къ тому ли ко графу ко Кутузову.
Еще сталъ графъ Кутузовъ его спрашивати,
Честью-лестью [1]) онъ маіора уговариваетъ:
«Ты скажи-скажи, маіорикъ, всее правду,—
Еще много-ль во Парижѣ у васъ войска?»
— У насъ во Парижѣ войска сорокъ тысячъ,
— У самого Наполеона—смѣты нѣту.
Какъ ударилъ графъ Кутузовъ его въ щеку:
«Врешь ты, врешь ты, врешь, маіорикъ, все лукавишь,
Иль меня, графа Кутузова, не знаешь?
Я вашего храбра войска не боюся,
До самого Наполеона доберуся».

Торжественная пѣсня русскихъ воиновъ при вступленіи въ Парижъ.

(Военная пѣсня).

Пойте, радуйтесь, ребята:
Александръ намъ вѣрный щитъ!
Имя русскаго солдата
Тамъ и за моремъ гремитъ.
Бѣлый царь шутить не любитъ:
Онъ французамъ доказалъ,
Что тому жить плохо будетъ,
Кто зло русскимъ помышлялъ.
Гость незваный къ намъ явился,
Не во снѣ, а на яву,
И тѣмъ, извергъ, веселился,
Что жегъ матушку Москву.
Сердца вздрогнули: ребята,
Мы въ Парижѣ!—Слава намъ!
Ужъ не стало супостата!
Миръ землѣ и миръ врагамъ!
Пойте, радуйтесь, ребята:
Александръ намъ вѣрный щитъ!
Имя русскаго солдата
Тамъ и за моремъ гремитъ.

[1]) Всячески.

Пѣсня на взятіе Парижа.

Упалъ на дерзкія главы
Громъ мести сильной и правдивой:
Знамена, мстители Москвы,
Шумятъ надъ Сеной горделивой.
Возстань, о, древній градъ царей,
И отряси съ чела туманы,
Да славою твоихъ дѣтей
Твои цѣлятся нынѣ раны!
Мы празднуемъ твою днесь месть!
Москва! хвала тебѣ и честь!
Твои развалины священны,—
Онѣ гробницей бѣдъ вселенны.
Небесъ къ намъ грозныхъ приговоръ
Просилъ отъ свѣта жертвы славной:
Безъ ропота и безъ укоръ
Склонилась ты главой державной.
Три дня объятая огнемъ,
Ты гнѣвъ ихъ ярый утолила,
Разящій отвратила громъ
И Небо съ нами примирила.
Москва! твоихъ развалинъ видъ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научатъ.
Сраженъ полуденный кумиръ [1])
Отъ твердой сѣвера десницы,
Уже сердцамъ свѣтлѣетъ миръ,
Какъ послѣ бури лучъ денницы,
И, съ умиленіемъ къ Москвѣ,
Народы, жертвы долгой брани,
Въ благоговѣйномъ торжествѣ
Возносятъ благодарны длани.
Народы! бичъ вашъ гордый палъ!
День отдыха для васъ насталъ!
Омытые своею кровью,
Связуйтесь миромъ и любовью!
Красуйся славою въ вѣкахъ,
Москва! спасительница міра!
Да будетъ ввѣкъ въ твоихъ стѣнахъ
Обитель счастія и мира!
Да процвѣтутъ твои сыны
И дѣвы, прелестьми вѣнчанны;
Да придетъ съ ужасовъ войны
Къ тебѣ скорѣй твой царь желанный!
Спѣши, о, радостный намъ часъ!
Да узримъ мы царя средь насъ!
Да отдохнетъ на нашихъ дланяхъ
Герой, увѣнчанный во браняхъ!

Вяземскій.

Отставной солдатъ.

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

---

[1]) Наполеонъ.

Солдатъ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

Первый пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

Второй пастухъ.

На руку; обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!

Солдатъ.

Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши.
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,

И спать не хочется! игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

Третій пастухъ.

И мы-бъ, землякъ, играть не отказались,
Да, вишь, нельзя! Село далеко; стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла;
Перекрестяся, примемся за ужинъ,
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ —
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;

Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И, ну, бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же: по дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья —
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ тележка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать; солдату вытянуться надо...

Офицеръ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба!

Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

(Офицеръ уѣзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явно?

Дельвигъ.

Донъ.

Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Многи дѣти издалека
Дону славу принесли!
  Чай прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки:
Какъ Платовъ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;
  Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;
Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ басурманъ;
  Какъ землякъ, морозъ холодный,
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;
  Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;
  Какъ за честь твою стояли,
Не жалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.
  Разыграйся-жъ Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли.

Розенгеймъ.

Наполеонъ на Эльбѣ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы;
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?..
Волнуйся ночь надъ эльбскими скалами!
Мрачнѣе тмись за тучами луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь чёрныя пучины
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами
Съ мечомъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щитъ!..
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой—
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, счастье! злобный обольститель!
И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,

Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пѣстунъ съ юныхъ дней!
Давно-ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкругъ меня
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!..
Полнощи царь младой, [1]) ты двигнулъ ополченья —
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ;
Отозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ — позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ:
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И, взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о, Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ,
Все гибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Царемъ возсяду на гробахъ!»
Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни

[1]) Александръ I.

И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія, тебя, о, хищникъ осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ.
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

Пушкинъ.

Ватерлоо [1]).

Видали-ль вы, какъ изъ валовъ тумана
Свѣтило дня—восторгъ очей—
Встаетъ надъ бездной океана
Въ кровавой ризѣ безъ лучей?
Недолго на небѣ хранится
Раздумья утренняго видъ!
Туманъ тотъ упадетъ, востокъ озолотится
И огненный гигантъ высоко возлетитъ.
Такъ мужъ судебъ [2]), недавно погруженный
Во мракъ безвластія на островѣ нѣмомъ,
Возникъ туманнымъ Божествомъ
Передъ лицомъ Европы утомленной.
Прошли уже тѣ дни, какъ взмахъ его руки,
Одно движеніе нахмуренною бровью
Могло созвать, стянуть и разметать полки,
Измять вѣнцы царей и міръ забрызгать кровью,
Когда такъ пышно и свѣтло
Звѣзда судьбы его сіяла,
И слава жадно цѣловала
Его высокое чело.
Теперь, когда еще не сгладило забвенье

[1]) Послѣдняя битва Наполеона съ союзными войсками при Ватерлоо (деревня въ Бельгіи) 18 іюня 1815 г. была имъ проиграна, онъ вторично отказался отъ престола и былъ заключенъ на островѣ св. Елены.

[2]) Наполеонъ.

Въ умахъ нарѣзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденье,—
Теперь—невольное сомнѣнье
Вползало въ глубину сердецъ;
Не такъ блисталъ однажды сбитый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь, по волѣ рока,
Былъ до невѣдомаго срока
Увѣнчанъ царственный бѣглецъ.
Туманъ минувшаго отъ Эльбы поднимался
И на виновника всѣмъ памятныхъ утратъ
Духъ недовѣрчивыхъ палатъ [1])
Враждебнымъ словомъ ополчался.
Но мигъ—и новый свѣтъ разсѣкъ пучину мглы:
Орлиный взоръ вождя сверкнулъ передъ полками—
И взоръ тотъ поняли орлы [2])
И бурю двигнули крылами.
Свѣтило грозныхъ войнъ взлетѣло и паритъ,
Края земли вновь пламенемъ объяты:
Теперь пускай витійствуютъ палаты!—
Ихъ праздный шумъ побѣда заглушитъ.
Толкуйте о судьбѣ:—Ея властитель—геній,
Вковалась въ мысль его она,
И эта мысль ополчена
Огнемъ гремучихъ вдохновеній,
И движетъ массами полковъ,

---

[1]) Людовикъ XVIII, возведенный на французскій престолъ послѣ низложенія Наполеона, утвердилъ конституціонное правленіе во Франціи и учредилъ двѣ палаты пэровъ и депутатовъ, которыя обсуждали новые законы и утверждали подати.

[2]) «Весной 1815 года Наполеонъ съ нѣсколькими сотнями старой гвардіи сѣлъ на суда и присталъ къ южному французскому берегу. Недалеко отъ Гренобля онъ встрѣтилъ первый высланный противъ него отрядъ. Отъ этой встрѣчи зависѣла дальнѣйшая судьба предпріятія и Наполеонъ поступилъ съ большою находчивостью. Когда оба отряда сошлись близко другъ съ другомъ и уже готовы были завязать битву, Бонапартъ, скрестивъ руки на груди, подошелъ одинъ къ королевскимъ солдатамъ и сказалъ: «Развѣ есть кто-нибудь между вами, который хочетъ убить своего императора?» Поднятыя ружья опустились къ ногамъ, и солдаты отвѣчали единодушнымъ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ?» Дальнѣйшій походъ его былъ уже тріумфальнымъ шествіемъ. Маршалъ Ней, высланный противъ него королемъ, уступилъ общему увлеченію арміи и также перешелъ на его сторону».

И, опоясанная славой,
Отражена въ игрѣ кровавой
Живыми иглами штыковъ.
Какъ море, арміи разлиты;
Звучатъ шаги, звенятъ копыты;
Враги сошлись и вспыхнулъ бой—
Предтеча битвы роковой.
День гаснулъ, бой горѣлъ и длился,
И вотъ затихъ,—и надъ землей
Въ багряной ризѣ прокатился
По небу вечеръ золотой.
Уже томился воинъ каждый
Желаньемъ отдыха, а онъ —
Онъ весь сгоралъ сраженья жаждой,
Ему былъ чуждъ отрадный сонъ.
Какъ онъ желалъ по небу ночи
Провесть огонь, разлить пожаръ,
Обрызнуть молніями очи
И кончить роковой ударъ!
Но видъ героевъ, ихъ усталость...
Впервые тронутъ и унылъ,
Дотоль невѣдомую жалость
Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ
И, полный тайнаго волненья,
Впервые чувства умиленья
Въ себѣ не властенъ превозмочь,
Взглянулъ на ратниковъ съ любовью —
И отдалъ имъ на отдыхъ съ кровью
Изъ сердца вырванную ночь.
И тучъ пелена небосклонъ оковала.
Взоръ къ небу онъ вскинулъ: подъ тяжкою мглой
Послѣдняя въ небѣ звѣзда померкала —
То было затменье звѣзды роковой!
И, долу безсонныя очи склоняя,
Съ спокойствіемъ страшнымъ на блѣдномъ челѣ,
Стоялъ онъ, съ улыбкою взоры вперяя
На ратниковъ, спящихъ на хладной землѣ.
«Покойтесь—онъ думалъ—до утра восхода!
Вамъ ночь безмятежная мною дана».
Но думѣ его посмѣялась природа
И свиснула по полю вихремъ она.
Бурный вѣтеръ тучи двинулъ;
Зашатался ночи мракъ;

Тучи лопнули — и хлынулъ
Грозный ливень на бивакъ,
И ручьи холодной влаги
На уснувшихъ потекли,
И, дрожа, сыны отваги
Поднималися съ земли,
И суровою рукою
Отирали прахъ съ очей;
И осматривали къ бою
Грани ружей и мечей,
И въ порывахъ нетерпѣнья
Ждали вызова къ ружью,
Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья
Грудь иззябшую свою.
Лишь утро настало—герои стояли
И пламя струилось по грознымъ очамъ,
И воздухъ веселые клики взрывали,
И самъ, стопобѣдный, леталъ по строямъ.
Но взоръ къ востоку: тамъ денница
Глядитъ такъ смутно, не свѣтло,—
Не всходитъ солнце Аустерлица
Надъ страшнымъ полемъ Ватерло.
Чу! Эхо вызвано ударомъ —
Взыгралъ неотвратимый бой:
Ряды осыпаны пальбой;
Окрестность вспыхнула пожаромъ;
И онъ — державный исполинъ —
Уже блеснулъ побѣдными лучами.
Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ
Окидывалъ орлиными очами,
И мѣтко въ даль направленный имъ взоръ
Своимъ могуществомъ волшебнымъ,
Казалось, подкрѣплялъ полковъ его напоръ
И гибель силамъ несъ враждебнымъ;
И между тѣмъ какъ вновь въ бореньи огневомъ
Махало счастіе сомнительнымъ вѣнкомъ
И на державнаго кидало взглядъ разлуки,—
Еще на счастіе надеждой онъ горѣлъ,
И, на груди скрестивъ властительныя руки,
Еще довѣрчиво смотрѣлъ
На плотные ряды опоръ самодержавья —
На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ
Изъ самыхъ челюстей безславья

Исхитить славнаго властителя вѣнецъ.
Бой длится; утрата наводитъ утрату;
Смятенье, разстройство—въ усталыхъ рядахъ:
Багровое солнце склонилось къ закату
И дыма и праха въ густыхъ облакахъ.
Взоръ вождя воспламенился,
И по голосу его,
Словно лѣсъ, зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него,
И за нимъ, какъ за судьбою,
Жаромъ гибельнымъ полна,
Грозно выдвинулась къ бою
Страшной гвардіи стѣна;
То сверкнетъ, то въ дымѣ тонетъ...
Тяжкій гулъ идетъ вдали...
Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ,
Ходитъ моремъ грудь земли.
Ободрись, боецъ усталый!
Этотъ гулъ... друзья, впередъ!
Это—маршалъ запоздалый
Силы свѣжія ведетъ.
Рать туда валитъ каскадомъ,
Но шатнулась вдругъ она,
Крупнымъ встрѣченная градомъ
И свинца и чугуна.
Маршъ! Впередъ—на смерть—въ могилы!
Бей! Ломи! Громи! Круши!
Это Блюхеровы силы,
А не маршала Груши;
И послѣдній строй героевъ,
Помня славу прошлыхъ лѣтъ,
Легъ на лаврахъ прежнихъ боевъ,
На трофеяхъ ста побѣдъ [1]).

[1]) «Государи, собравшіеся на Вѣнскомъ конгрессѣ, услыхавъ о появленіи Бонапарта во Франціи, прекратили распри и со всѣхъ сторонъ двинули свои войска, чтобы снова низложить французскаго императора. Наполеонъ рѣшился предупредить соединеніе непріятельскихъ армій: прежде, нежели съ востока подоспѣли русскіе и австрійцы, онъ поспѣшилъ напасть на ближайшія къ нему войска англичанъ и пруссаковъ, которыя находились въ Бельгіи, подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера. Начало этой кампаніи было удачно для императора; онъ разбилъ Блюхера при Линьи и потомъ обратился на Веллингтона, который занялъ возвышенную позицію при деревнѣ Ватерло. Битва длилась почти цѣлый день; Веллингтонъ обнаружилъ чрезвычайную

Гдѣ-жъ онъ, гдѣ виновникъ губительной брани?
Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній
На бодромъ конѣ выбивается онъ.
Съ позорища рока, безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, зарытый въ полночную мглу.
Судьба измѣнила: однѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.
И вотъ, утомленный, подъ скипетромъ ночи
Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ,
И сномъ небывалымъ задернулись очи —
Глубокимъ, желѣзнымъ, рѣшительнымъ сномъ.
Душа его долго со снами боролась
И онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ, —
Теперь покорился: невѣдомый голосъ
Святое «свершилось» надъ нимъ произнесъ.
Онъ палъ — помазанникъ судьбины, —
И тамъ — на лоскутѣ земли,
Среди безмѣрной водъ равнины,
Отъ милой Франціи вдали
Влачилъ онъ плѣнъ свой, созерцая
Лишь моря зыбь, да небеса,
И львомъ Европы угасая
Подъ стражей англійскаго пса [1]).
Не могъ неволею томимый
Унять онъ бурныхъ думъ своихъ:
Не убаюкивали ихъ
Ни ночи миръ ненарушимый,
Ни томный шумъ волны, крушимой

стойкость, и всѣ стремительныя атаки французовъ не могли выбить его изъ занятой позиціи. Однако къ концу дня силы англійской арміи замѣтно начали истощаться; французы уже были увѣрены въ побѣдѣ, какъ вдругъ на правомъ ихъ крылѣ появился прусскій корпусъ; вслѣдъ за нимъ подошелъ съ главными силами и самъ Блюхеръ, который успѣлъ оправиться послѣ пораженія при Линьи и явился теперь на помощь Веллингтону. Тогда французскою арміей овладѣлъ паническій ужасъ, и она обращается въ бѣгство. Наполеонъ въ отчаяніи хочетъ броситься въ средину непріятелей и умереть; генералы увлекаютъ его съ поля сраженія. Только старая императорская гвардія строитъ нѣсколько карре и продолжаетъ еще неравную борьбу; она вся истреблена, но своимъ героизмомъ даетъ время спастись императору и остаткамъ арміи. На требованіе сдачи начальникъ послѣдняго карре отвѣчалъ: «гвардія умираетъ, но не сдается».

[1]) Наполеонъ жилъ на островѣ св. Елены подъ строгимъ присмотромъ англійскаго губернатора.

Объ край утесовъ вѣковыхъ.
Не могъ смирить державной страсти
Онъ искусительныхъ тревогъ;
На дребезгахъ разбитой власти
Онъ успокоиться не могъ; —
И въ мигъ, когда къ могильной грани
Жизнь исполина перешла,
Въ послѣдній мигъ земныхъ страданій
Его душа съ мечтой о брани [1])
Въ обитель мира потекла.
Порою тамъ—въ плѣну—развѣнчанный философъ
Пытался отмыкать мышленія ключемъ
Тяжелые замки глубокихъ тѣхъ вопросовъ,
Которыхъ не успѣлъ онъ разрѣшить мечомъ.
Судьбу свою обдумывая строго,
Порой онъ самъ себя судилъ:
«Да—я былъ деспотъ; силъ я много
И много жизни раздавилъ:
Но я былъ ураганъ;—среди земныхъ твореній
Заразу видя, я былъ долженъ все крушить,
Чтобъ полный вредныхъ испареній
Европы воздухъ освѣжить.
Гніенье тайныхъ язвъ я видѣлъ въ нѣдрахъ націй:
Ихъ исцѣлить, глазамъ моимъ
Казалось, можно лишь однимъ
Путемъ кровавыхъ операцій—
И я надъ міромъ сталъ хирургомъ роковымъ.
И пусть меня въ семъ дѣлѣ судитъ
Потомство дальнее! Еще не близокъ срокъ,
Когда понятенъ людямъ будетъ
Мной людямъ заданный урокъ».
Оконченъ путь его. На немъ лежатъ всѣ виды
Природы разныхъ странъ съ обновами границъ:
Громады Альповъ, Рейнъ, Каиръ и пирамиды,
Маренго, Іена, Аустерлицъ,
Порабощенный Римъ и плѣнная тіара, [2])
Покорныхъ королей склоненныя главы,
Фридландъ, Ваграмъ, Смоленскъ и въ пламени пожара
Твердыня пышущей Москвы.

---

[1]) Послѣднія слова умирающаго Наполеона «tête d'armée» (фронтъ арміи), сказанныя въ бреду, показываютъ, что мысли его витали въ пылу сраженій.

[2]) Тіара—корона римскаго папы.

Оконченъ этотъ путь—чрезъ горы, черезъ стѣны,
Черезъ моря, пески и скатерти снѣговъ,
От Корсики до острова-Елены,
Отъ береговъ тревожныхъ Сены
До Нѣмана и Нила береговъ,
Отъ первославнаго Тулона
До рокового Ватерло,
Отъ школьничьей скамьи до трона,
Отъ трона до цѣпей, и отъ цѣпей до склона
Къ свободной вѣчности; все было и прошло:
Отъ одного изъ дивныхъ въ мірѣ видовъ —
Гробницы генія средь моря на скалѣ
До гроба въ домѣ инвалидовъ
На этой вѣтреной землѣ.

Бенедиктовъ.

Два великана [1]).

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою—
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Александръ I и Наполеонъ.

(Военная пѣсня).

Быстрый младъ орелъ, птица мощная
Царства пернатаго, царства славнаго,
И птенцовъ своихъ нѣжный другъ-отецъ,
Какъ довѣдался, что яръ черный вранъ
Прилетѣлъ въ его область мирную,
Прилетѣлъ съ своей стаей жадною,
Утѣсняетъ, бьетъ его дѣтушекъ,
Не щадитъ злодѣй пола, возраста,
Не щадитъ злодѣй красы, голоса,

[1]) Александръ I и Наполеонъ.

Разоряетъ ихъ теплы гнѣздышки,
Разсыпаетъ ихъ перья по вѣтру,
Течетъ кровь ихъ ручьемъ по полю,—
Встрепенулся тутъ быстрый младъ орелъ:
Онъ послалъ своихъ соколовъ въ полетъ
Усмирить яра черна ворона,
Наказать его стаю хищную,
Отомстить за кровь милыхъ дѣтушекъ,
За ихъ гнѣздышко—житье теплое.
Потемнѣлъ вдругъ свѣтъ отъ полета ихъ
Вѣтры шумные раздались отъ крылъ,
Понеслися въ путь ясны соколы,
А предъ ними самъ быстрый младъ орелъ
Какъ настигъ орелъ черна ворона,
Какъ пустилъ орелъ соколовъ своихъ,
Какъ ударили—разметали все:
И яръ черный вранъ предъ орломъ не смогъ,
Палъ, ударился о сыру землю.
Въ немъ забилося сердце черствое,
Содрогнулася душа мрачная.
Ждетъ онъ гибели неизбѣжныя.
Но быстръ младъ орелъ, чуждъ отмщенія,
Не хотѣлъ убить хоть врага птицу,
Притупилъ ей лишь когти острые,
Но оставилъ жизнь для раскаянья.
Не летать было черну ворону
Въ лѣса мирные возмущать покой,
Не ходить было чаду Корсики [1])
На святую Русь съ злобнымъ помысломъ;
Орелъ сѣвера соколовъ пустилъ—
И безъ крыльевъ сталъ корсиканскій вранъ.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ, [2])
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,

---

[1]) Наполеонъ родился въ городѣ Аячіо на островѣ Корсикѣ въ 1769 г.
[2]) XVIII вѣкъ.

Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.
И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ [1])—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;
И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны, [2])
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!
Страшись, о, рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.
Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;

---

[1]) Наполеонъ I.
[2]) Беллона—богиня войны у древнихъ римлянъ.

Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.
Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ; [1])
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый; [2])
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..
Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!
Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь однѣ:
Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.
И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...
Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменной выѣ
Десница мстящая Творца.

[1]) Галлъ—французъ.
[2]) Кутузовъ.

Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.
О, вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О, страхъ! о, грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!
Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой [1]) съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Пушкинъ.

На взятіе Парижа.

Въ громкую цитру кинь персты, богиня! [2])
Грянь, да услышатъ тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса, [3])
Коими въ гнѣвѣ сражаетъ пороки?
Пиндара [4]) муза тобой побѣжденна;
Ты же не игры поешь Олимпійски
И не царя, съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ сиракузскомъ,
Но Александра, царя миролюбна,
Кѣмъ семиглавая гидра [5]) сраженна!
О, вдохновенный пѣвецъ,

---

[1]) Александръ I.

[2]) Поэтъ обращается къ музѣ, греческой богинѣ пѣнія и музыки.

[3]) Зевесъ — богъ неба и свѣта у древнихъ грековъ; громъ и молнія (перуны) считались орудіями разгнѣваннаго Зевеса.

[4]) Пиндаръ, греческій поэтъ (VI — V в. до Р. Х.), прославлялъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ въ древней Греціи.

[5]) Гидра — миѳическое чудовище съ нѣсколькими головами, которыя вновь выростали каждый разъ, какъ ихъ отрубали; здѣсь подъ гидрой подразумѣвается Наполеонъ.

Пиндаръ россійскій, Державинъ!
Дай мнѣ парящій восторгъ!
Дай—и вовѣки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будетъ вездѣ!
Какъ въ баснословные вѣки
Противъ Зевеса гиганты, [1])
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною,
Но Зевсъ вдругъ кинулъ перуны:
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю
И подавили гигантовъ,—
Галлы подобно на россовъ летѣли;
Ихъ были горы—народы подвластны,
Къ сердцу Россіи—къ Москвѣ доносили
Огнь, пожирающій грады и веси...
Царь миролюбный, подобенъ Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки,
Онъ ужъ готовилъ погибель Сизифу [2])
И возжигались блестящи перуны...
Врагъ ужъ въ Москвѣ—и взгремѣли перуны:
Горы его подъ собою сокрыли.
Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ россіянъ?
Въ тяжкихъ ли россы цѣпяхъ
Слезную жизнь провождаютъ?
Нѣтъ—грому оружія россовъ
Внемлетъ пространный Парижъ!
И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ россіянамъ,
Пепелъ Москвы забывая,
Съ кротостью галламъ прощаетъ
И какъ дѣтей ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который

---

[1]) Гиганты—въ греческой миѳологіи племя великановъ, ненавистное богамъ и послѣ упорной борьбы уничтоженное богами; въ борьбѣ съ богами гиганты громоздили гору на гору, чтобы добраться до Олимпа, мѣстопребыванія боговъ.

[2]) Сизифъ—миѳическій герой, выдалъ людямъ тайны боговъ, за что въ подземномъ мірѣ былъ осужденъ вѣчно вкатывать на гору громадный камень, который у вершины горы срывается и постоянно падаетъ внизъ.

Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью—не силой!
Вѣдай, богиня! Поэтъ безпристрастный
Долженъ пороки наказывать міра.
Страха не зная, царю онъ вѣщаетъ
Правду—не низкія лести вельможи!
Я не пою олимпійскихъ героевъ,
Славить не злато меня побуждаетъ,
Нѣтъ—только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Вѣкъ на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!
Кроткій россійскій Зевесъ!
Мрачнаго сердцемъ Сизифа
Ты низложилъ и теперь,
Лавромъ побѣдъ увѣнчанный,
Съ поля кровавыя битвы
Къ вѣрнымъ сынамъ возвратился.
Шлемъ свой пернатый съ забраломъ,
Острый булатъ и тяжелы
Латы сними и явися
Въ свѣтлой коронѣ, въ порфирѣ
Ты посреди сыновъ вѣрныхъ!
Въ мирѣ опять, въ благоденствѣ
Царствуй надъ нами, и слава
Будетъ вовѣки съ тобою!

Дельвигъ.

Пей вся Европа за здравье солдата.

(Военная пѣсня).

Пей вся Европа за здравье солдата!
Русскій, во имя добра,
Свергнулъ ея супостата!
Русскимъ героямъ—ура!
Воинамъ, лавромъ въ бояхъ украшеннымъ,
Нашимъ героямъ роднымъ:
Вѣчная память—сраженнымъ,
Многія лѣта—живымъ!
Побѣдоносная наша держава
Славитъ героевъ-сыновъ;
Русскому воинству слава!
Честь ему въ роды родовъ!

Годовщина 19-го марта.

(Пѣсня достославнымъ русскимъ воинамъ, участвовавшимъ при взятіи Парижа).

Сей славный день, сей день благословенный
На братскій пиръ опять сзываетъ васъ,
Чтобъ торжество Россіи надъ вселенной
Отпраздновать въ веселый часъ!
Вы помните побѣды упоенье?
То чудная была для васъ пора:
Царю небесъ гремѣли вы хваленье,
А русскому царю ура!
Хоть сорокъ лѣтъ со дня того минуло,
Хоть многихъ ужъ отбывшихъ съ вами нѣтъ,
Но радость въ васъ отвагой проглянула, —
Долой съ костей всѣ сорокъ лѣтъ!
Помолодѣвъ, расправьте станъ воинскій,
Къ плечу ружье, тряхните стариной!
Припомните свой подвигъ исполинскій
И славу родины святой!
Гордынею успѣха ослѣпленный,
И двадесять поднявъ на васъ племенъ,
Русь сокрушить грозился дерзновенный
Европы бичъ—Наполеонъ!
Но Русь крѣпка для вѣры православной,
Но Русь вѣрна въ любви къ своимъ царямъ:
Дѣтей своихъ созвалъ отецъ державный, —
На встрѣчу ихъ послалъ врагамъ.
Русь дрогнула!.. Возстало ополченье,
Бой закипѣлъ въ поляхъ Бородина...
Горитъ Москва, какъ выкупъ за спасенье, —
Березиной отмститъ она!
За свой рубежъ французовъ провожая,
Вслѣдъ за собой побѣду Русь вела.
Русь шла впередъ, Европу избавляя,
И за Москву Парижъ взяла!
Не помня зла, какъ ангелъ примиренья,
Нашъ Александръ возсталъ среди царей, —
Измѣнамъ ихъ онъ даровалъ прощенье,
Далъ міру миръ, какъ другъ людей!
Вы были съ нимъ, защитники Россіи,
Вы шли за нимъ, полны любви къ нему:

Хвала и честь вамъ, воины сѣдые,
И память вѣчная ему! [1])

Ростопчина.

Къ Россiи.

Не унывай! Всѣ жребiи земные
Измѣнчивы,—о, дивная въ земляхъ!
Твоихъ враговъ успѣхи временные
Пройдутъ, какъ дымъ,—исчезнутъ, яко прахъ.
Все выноси, какъ древле выносила,
И сознавай, что въ Божьей правдѣ сила...
И побойчѣй былъ кое-кто,—и глядя
На Божiй мiръ, весь мiръ онъ съ бою бралъ:
То былъ большой, всезнаменитый дядя,
Великiй вождь, [2]) хоть маленькiй капралъ;
Но съ малыхъ лѣтъ въ гимнастикѣ страданiй
Окрѣпшiй россъ не убоялся брани
Съ бичемъ всѣхъ царствъ, властителемъ властей:
Съ гигантомъ тѣмъ помѣрялся онъ въ силахъ,
Зажегъ Москву и въ снѣговыхъ могилахъ
Угомонилъ непризванныхъ гостей.
И между тѣмъ какъ на скалахъ Елены
Утихло то, что грозно было встарь,
Торжественно въ стѣнахъ всесборной Вѣны [3])
Европѣ судъ чинилъ нашъ бѣлый царь;
И гдѣ ему внимали такъ послушно—
Нашъ судiя судилъ великодушно.
Забыто все. Гдѣ благодарность намъ?
«Вы—варвары!» кричатъ сынамъ Россiи
Со всѣхъ сторонъ свирѣпые витiи,
И врагъ летитъ по всѣмъ морскимъ волнамъ [4]).

Бенедиктовъ.

---

[1]) Эта пѣсня была сложена по случаю воинскаго обѣда у московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго, даваемаго 19-го марта для воиновъ всѣхъ чиновъ, начиная съ рядовыхъ, которые находились при взятiи Парижа и вступленiи въ него въ 1814 году, 19-го марта.

[2]) Наполеонъ I.

[3]) Въ 1814 г. европейскiе государи, съ Александромъ I во главѣ, собрались на конгрессъ въ Вѣну, чтобы сообща возстановить въ Европѣ порядокъ, нарушенный Наполеономъ.

[4]) Это стихотворенiе было написано во время севастопольской войны.

Ожиданіе царя.

(Военная пѣсня).

Ѣздилъ русскій бѣлый царь,
Православный государь,
Изъ своей земли далеко —
Злобу поражать.
Грозно онъ каралъ враговъ,
Много побралъ городовъ:
Отъ Москвы и до Парижа
Лавры [1]) пожиналъ.
Крови тамъ лились моря,
Смерть летала вкругъ царя;
Но среди военной бури
Богъ его хранилъ.
Онъ за зло платилъ добромъ, [2])
Воскресилъ Бурбоновъ домъ, [3])
Имя русское прославилъ,
Миръ вселенной далъ.
Гдѣ ты, свѣтлый царь царей,
Ангелъ міра, другъ людей?
Гдѣ ты, солнце наше красно?
Гдѣ ты, гдѣ теперь?
Или въ царствѣ ты лилей?
Иль средь радостныхъ людей?
Или, свѣта ставъ любовью,
Позабылъ дѣтей?
Полно радовать чужихъ,
Намъ завидно счастье ихъ;
Возвратись изъ странъ далекихъ
На родимый край!
Безъ тебя веселья нѣтъ,
Опостылъ намъ бѣлый свѣтъ;
Грустно безъ отца родного—
Возвратись скорѣй!
Ждетъ тебя царица-мать,
Жаждетъ сына лобызать;
Ждетъ прекрасная царевна,
Ждетъ святая Русь.
О, зефиры на крылахъ
Или рѣки на волнахъ
Принесите намъ скорѣе
Нашего царя [4]).

[1]) Лавровый вѣнокъ у древнихъ грековъ возлагался на побѣдителя или прославившагося въ искусствѣ.

[2]) При вступленіи въ Парижъ Александръ I объявилъ французамъ, что «онъ вступаетъ въ Парижъ не врагомъ, а возвращаетъ имъ миръ и торговлю. Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а посему я велъ войну съ нимъ, а не съ Франціей. Я—другъ французовъ и въ доказательство возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи».

[3]) На французскій престолъ, послѣ низложенія Наполеона, былъ возведенъ потомокъ прежнихъ королей изъ дома Бурбоновъ—Людовикъ XVIII.

[4]) Александръ I вернулся въ Петербургъ 13 іюля; хотя онъ предписалъ не дѣлать никакихъ приготовленій для его встрѣчи и предписаніе это было исполнено въ точности, но восторгъ народа, особенно сильно проявившійся при посѣщеніи Александромъ Казанскаго собора, былъ тѣмъ искреннѣе и непосредственнѣе.

Пѣсня русскому царю отъ его воиновъ.

Гряди, нашъ царь,[1]) твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ [2]).
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!

Къ его стопамъ мечи кровавы;
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань,
Рѣшившему святую брань.

Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!

Младый наслѣдникъ полвселенны!
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ царь, ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь! ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи-жъ, о, вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась—
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ царя, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окована молчитъ.

Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!

Жуковскій.

На возвращеніе императора Александра I изъ Парижа въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ:

[1]) Александръ I.
[2]). Наполеонъ.

Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ, безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ [1])
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... [2]) и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную,
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились.
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились; воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
   А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о, кульмскіе [3]) герои!

[1]) Наполеонъ.

[2]) Послѣ занятія Парижа Александромъ I Наполеонъ отрекся отъ престола и уѣхалъ на островъ Эльбу, который ему былъ отданъ въ пожизненное владѣніе. Съ Эльбы Наполеонъ опять вернулся во Францію и, процарствовавъ «Сто дней», вторично отрекся отъ престола и былъ заключенъ на островѣ Св. Елены.

[3]) Французскій генералъ Вандамъ съ цѣлымъ корпусомъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и пруссаками при Кульмѣ, въ Богеміи, въ 1813 году.

Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о, царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, русскій царь! оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ [1]) священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,

---

[1]) Янусъ, богъ древнихъ римлянъ, считался охранителемъ мира; его храмъ былъ открытъ только во время войны и закрывался во время мира.

По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И молча-нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Пушкинъ.

Возвращеніе съ войны.

(Военная пѣсня).

Станемъ, братья, собираться,
Весело пришлось гулять,
Станемъ пить—не напиваться,
Милыхъ нѣжно забавлять.
На Руси теперь веселье,
Время грозъ уже прошло:
Съ славой нашей всѣхъ спасенье
Краснымъ солнышкомъ взошло.
И въ старинушку бывало
Отъ Руси не безъ чудесъ:
Мало насъ всегда пугало,
Кто-бъ себя какъ ни вознесъ.
Мы Мамая поразили;
Палъ предъ нами бурный шведъ;
Фридерику [1]) ль уступили
Мы на поприщѣ побѣдъ?
И теперь, какъ ополчился
Противъ насъ Наполеонъ,
Удалецъ сей посрамился
И не чуть [2]) уже, гдѣ онъ.
Видно, небесамъ угоденъ
Нашъ надежа-государь:
Онъ у насъ на все способенъ,
Онъ по сердцу Божью царь.

Императору Александру.

Оставь на время твой великолѣпный тронъ —
Хвалой невѣрною тронъ царскій окруженъ, —
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья
Одинъ въ толпу и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ:

---

[1]) Фридрихъ II, король прусскій, съ которымъ Россія вела войну при Елисаветѣ Петровнѣ.

[2]) Не слыхать.

На праздникахъ семей—украшенный твой ликъ,
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель,
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ [1]) посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья,
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть—
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О, царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота—великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ

[1]) Пенаты—домашніе боги у древнихъ римлянъ, души умершихъ предковъ, покровительствовавшіе семьѣ.

Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя на все, на все готовый —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ;
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья,
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка неизмѣнный.
Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле славную отцовъ твоихъ порфиру, [1])
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенный, [2])
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя.

Жуковскій.

Чижъ и ежъ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что: такъ какъ-то пѣлось!

---

[1]) Порфира—верхняя торжественная одежда государей, широкій и длинный плащъ багрянаго шолка, подбитый горностаемъ.

[2]) Россія и съ нею вся Европа благословила подвиги русскаго императора и увѣковѣчила за нимъ въ исторіи имя Александра Благословеннаго, который не себѣ, а Провидѣнію приписывалъ побѣду въ неслыханной борьбѣ съ Наполеономъ. На медали, выбитой въ честь войны 1812 г., по его повелѣнію, изображено съ одной стороны Всевидящее око, а съ другой начертано: «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему».

Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ [1]) лучезарный изъ морей
Поднялся;
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой чижъ замолкъ. «Ты что-жъ»,
Спросилъ его съ насмѣшкой ежъ,
«Пріятель, не поешь?»
— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ»,
Сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».
Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я-бъ Александра пѣлъ [2]).

Крыловъ.

Кончина Александра I.

(Историческія пѣсни).

Выѣзжаетъ Александръ нашъ свою армію смотрѣть:
Обѣщался Александръ нашъ къ Рождеству домой прибыть.
Всѣ празднички на проходѣ,—Александра дома нѣтъ.
«Пойду-выйду на ту башню, которая выше всѣхъ,
«Погляжу я въ ту сторонку, въ коей Александръ нашъ былъ!»
По Питерской дорожкѣ пыль столбомъ (она) стоитъ,
Пыль столбомъ (она) стоитъ, молодой курьеръ бѣжитъ.
«Я пойду-спрошу (курьера): «Ты куда, курьеръ, бѣжишь?
«Ты скажи-ка намъ (курьеръ) про Александру царя?»
— Вы скидайте алы шали, надѣвайте черной трауръ,
— Всю правдушку вамъ скажу про Александру царя:
— Нашъ Александръ императоръ въ Таганрогѣ жизнь скончалъ!—

---

[1]) Богъ солнца у древнихъ грековъ, а здѣсь подразумѣвается Александръ I, вернувшійся изъ Парижа.

[2]) Баснописецъ говоритъ о себѣ, что если-бъ онъ обладалъ талантомъ знаменитаго греческаго поэта Пиндара, слагателя хвалебныхъ пѣсенъ, то воспѣлъ бы подвиги Императора Александра Благословеннаго. Въ этой баснѣ Крыловъ далъ отвѣтъ, почему онъ остается безмолвнымъ среди громкихъ гимновъ, которые раздавались изъ устъ тогдашнихъ русскихъ поэтовъ въ честь возвращавшагося изъ Парижа Александра I.

(Что) двѣнадцать генераловъ на главахъ царя несутъ,
Вотъ не двое ли армейскихъ ворона коня ведутъ,
Не четыре ли гвардейскихъ со знаменами идутъ.

Россiюшка, каменна Москва!
Зазвонили во Москвѣ во большой колоколъ,—
Слышно было по Россiюшкѣ, по всей армiи,
Государской конной гвардiи.
Какъ во армiи сдѣлалось несчастьицо,
Несчастьицо и безвременьицо:
Померъ же у насъ православный царь,
Царь Александръ Павловичъ.
Мы схоронимъ же царя
На крутой горѣ на Сiонской,
Могилу выроемъ мы между трехъ дорогъ,
Между Питерской, Московской, большой Кiевской,
На могилушкѣ положимъ камень мраморный,
Во головушкѣ поставимъ позлаченый крестъ,
Во рѣзвыхъ ногахъ поставимъ коня ворона,
По правую сторонушку положимъ строево ружье,
По лѣвую сторонушку саблю вострую.
Ты возстань-ка, пробудись, православный царь,
Погляди-ка, посмотри-ка на насъ горькiихъ:
Всѣ твои полки во походъ ушли!

Плачъ войска по Александрѣ I.

(Историческiя пѣсни).

У Ивана было у Великаго,
Забили-зазвонили въ больши колоколы,
Чтобы слышали гласъ по всей Москвѣ,
По всей Москвѣ, по всей армiи:
Что преставился нашъ благовѣрный царь,
Александръ Павловичъ не въ своемъ дворцѣ,
Не въ своемъ дворцѣ, въ дальнемъ городѣ,
Въ дальнемъ городѣ, на теплыхъ водахъ,
На Таганрогѣ [1])—легкихъ воздухахъ.
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,

[1]) Александръ I скончался 19 ноября 1825 г. на югѣ Россiи въ городѣ Таганрогѣ.

На часахъ стоялъ, онъ ружье держалъ,
Поклонилъ свою буйну голову ко сырой землѣ,
Улѣпилъ копье во сыру землю:
«Разступися-ко, матушка сыра земля,
«Развернися-ко, золота парча,
«Откройся-ко, гробова доска!
«Ты встань-ко, встань, нашъ благовѣрный царь,
«Ты взгляни-взгляни да по всей Русѣ,
«По всей Русѣ, своей арміи,
«Своей арміи, по любезной конной гвардіи.
«А тебѣ несутъ съ церемонію,
«Съ церемонію, со великою,
«Несутъ ко приходу ли, ко собору ли,
«Ко собору ли, ко Божіей церкви!»

Сы-подъ [1]) лѣсу—лѣсу было темнаго,
Сы-подъ садику съ-подъ зеленаго,
Не бѣлая зоря занимается, [2])
Солнце красное выкатается.
Выкаталося солнышко противъ мѣсяца,
Какъ и солнышко съ мѣсяцемъ поспорило:
— Ты свѣти, ты свѣти, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
— Не по новому, а по старому!—
Какъ у насъ было во святой Руси,
Во святой Руси, въ кременной [3]) Москвѣ,
Во соборѣ было Митривскомъ, [4])
Во придѣлѣ было во Миколинскомъ, [5])
Стоитъ-то-стоитъ кипарисный гробъ;
Во гробу лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло царское, государское;
А вкругъ гроба три подсвѣчника;
На часахъ стоитъ младъ донской казакъ,
Младъ донской казакъ, малолѣточекъ.
Стоитъ-то онъ трое суточекъ,
Стоитъ-то онъ — не смѣняется,
На восходъ солнышка Богу молится:
«Ты создай, Боже, тучу грозную,

[1]) Изъ-подъ.
[2]) Отрицательный оборотъ: занимается заря.
[3]) Каменной.
[4]) Дмитровскомъ.
[5]) Въ престольномъ придѣлѣ Миколы.

Размочи же ты матушку сыру землю,
Расколи же ты гробову доску!
Ты встань, ты встань, православный царь,
Православный царь, Александра Павловичъ!
Погляди-посмотри на свои войска донскія:
Во строю стоятъ, обучаются,
На нихъ платьица ровно жаръ горятъ,
На нихъ шапочки ровно маковъ цвѣтъ. [1])
Безъ тебя-то, царь, служба похужила: [2])
Познобили насъ зимою холодною,
Поморили насъ смертью голодною».

Надписи къ бюсту Императора Александра I.

Кто царь сей—межъ царей?—чья блещетъ такъ порфира?
По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летятъ за нимъ орлы—какъ на побѣду міра!
Такъ! вѣрно побѣдитъ, но благостію—онъ.

Державинъ.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Вяземскій.

Потомство! Россіянъ завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы,
Европѣ миръ, царямъ достоинство державы
И храмы Божеству.

Дмитріевъ.

Вотъ онъ—Россіи честь и слава, даръ небесъ,
Великій Александръ, полночный Геркулесъ! [3])
Не міра древняго надменный повелитель,
Но кроткій счастія народнаго зиждитель.

---

[1]) Съ красной верхушкой, какъ носили донскіе казаки.
[2]) Сдѣлалась хуже.
[3]) Геркулесъ—греческій миѳическій герой, отличавшійся большою силою и совершившій цѣлый рядъ подвиговъ,—здѣсь Александръ I.

Восточный Александръ [1] державы разрушалъ,
А сѣверный—царямъ престолы возвращалъ,
Восточный—былъ бичомъ и ужасомъ вселенной,
А сѣверный—щитомъ Европы, имъ спасенной.
Къ восточному—вражду питали Бактра, Тиръ,
А сѣвернаго—весь благословляетъ міръ.
Гдѣ ты, отечества отецъ чадолюбивый,
Премудрый, доблестный, и щедрый, и правдивый,
Возстановитель царствъ, поборникъ алтарей,
Блюститель истины, защитникъ, другъ людей?
Гдѣ ангелъ кротости?.. Слѣды—увы—могила!
Во гробѣ плоть,—душа на небо воспарила.
Но, смерть, не торжествуй! Не все ты отняла:
Живутъ для насъ царя безсмертныя дѣла.
Скорѣе лезвіе косы своей изгложешь,
Чѣмъ ихъ изъ памяти родовъ изгладить можешь.

Мартыновъ.

Смерть Наполеона I.

Лежитъ герой на ложѣ блѣдный,
Лежитъ безжизнененъ и тихъ.
Кругомъ друзья, ихъ ликъ туманенъ,
Застыли слезы въ ихъ очахъ;
У изголовья англичанинъ
Сидитъ, какъ воронъ, на часахъ.
Врачъ молвилъ: «Кесарь умираетъ...[2]
Онъ умеръ... плачьте!» Гудсонъ Ловъ [3]
Одинъ спокойно повторяетъ:
«Скончался ровно въ шесть часовъ».

Берiв.

Наполеонъ.

(Акростихъ) [4].

Народныхъ царствъ поработитель,
Аттила [5]—карликъ предъ тобой:

---

[1]) Александръ Великій, македонскій царь (IV в. до Р. Х.), завоевалъ всю персидскую монархію.

[2]) Наполеонъ умеръ на островѣ Св. Елены 5 мая 1821 г.

[3]) Гудсонъ Лоу—англійскій губернаторъ острова Св. Елены.

[4]) Стихотвореніе, въ которомъ начальныя буквы каждаго стиха вмѣстѣ составляютъ какое-нибудь слово.

[5]) Аттила—знаменитый гуннскій царь и завоеватель въ V в. по Р. Х.

Побѣдоносный искуситель
Одинъ вселенну звалъ на бой.
Ломая скиптры, рвалъ порфиры,
Европой, какъ мячемъ, игралъ,
Одушевилъ свои кумиры—
Но грянулъ Богъ—и ты упалъ!

Наполеонъ.

Да! На порогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неподвижный слѣдъ;
Ты скованъ былъ по мысли рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ.
Не могъ ты не ступать глубоко:
И шагъ твой землю тяготилъ.
Что̀ строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,—
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.
Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.
Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Невмоготу носить тебя.
Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,
Гдѣ на раздумьи одичаломъ
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала.

Брюсовъ.

Бонапарте.

Есть дикая скала [1]) на лонѣ океана:
Съ крутыхъ ея бреговъ, подъ ризою тумана,

[1]) Послѣ вторичнаго отреченія отъ престола Наполеонъ, по рѣ-

Привѣтствуетъ тебя, задумчивый пловецъ,
Гробница мрачная, обмытая волнами;
Вблизи ея лежатъ обросшіе цвѣтами
Разбитый скипетръ и вѣнецъ...
Кто здѣсь? Нѣтъ имени!.. Спросите у вселенной!
То имя начерталъ булатъ окровавленный
Отъ скиѳскаго шатра до нильскихъ береговъ
На бронзѣ, на груди бойцовъ ожесточенныхъ,
Въ народныхъ племенахъ, въ милліонахъ изумленныхъ,
Предъ нимъ склонявшихся рабовъ.
Два имени вѣкамъ переданы вѣками,
Но никогда ни чье громовыми крылами
Не разсѣкало міръ съ подобной быстротой;
Нигдѣ ни чья нога сильнѣе не врѣзала
Слѣдовъ въ лицо земли—и грозную сковала
Судьба надъ дикою скалой.
Вотъ здѣсь его дитя шагами измѣряетъ;
Враждебная пята гробницу попираетъ;
Громовое чело объято тишиной;
Надъ нимъ въ вечерней мглѣ жужжитъ комаръ ничтожный,
И слышитъ тѣнь его одинъ лишь гулъ тревожный
Волны, летящей за волной.
И миръ тебѣ, о, прахъ великаго героя, [1])
Ты цѣлъ и невредимъ въ обители покоя.
Гласъ лиры никогда гробовъ не возмущалъ;
Всегда таила смерть убѣжище для славы;
Ничто не оскорбитъ удѣлъ твой величавый:
Тебѣ потомство—трибуналъ [2]).
Твой гробъ и колыбель сокрыты въ мглѣ тумана;
Но ты, какъ молнія, возникъ изъ урагана,
И безыменный мужъ вселенную сразилъ.
Такъ точно славный Нилъ, подъ Мемѳисомъ глубокій,
Въ Мемноновыхъ степяхъ струитъ свои потоки
Еще безъ памяти, безъ силъ.
Упали алтари, разрушилися троны;
Ты міру даровалъ побѣды и законы,

шенію союзныхъ державъ, былъ заключенъ на островѣ Св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ онъ и прожилъ, подъ строгимъ присмотромъ англійской стражи, еще около пяти съ половиною лѣтъ. Онъ умеръ 5 мая 1821 г., а въ 1840 г. его прахъ былъ перевезенъ въ Парижъ и положенъ въ Домѣ Инвалидовъ.

[1]) Наполеонъ I.

[2]) Трибуналъ—высшій главный судъ.

Ты славой нареченъ надъ вольностью царемъ—
И вѣкъ, ужасный вѣкъ, который местью грянулъ
На царства и боговъ, передъ тобой отпрянулъ
На шагъ, въ безмолвьи роковомъ.
Ты грознаго числа враговъ не устрашался;
Ты съ призракомъ, второй Израиль, состязался,
И призракъ изнемогъ подъ тяжестью твоей;
Возвышенныхъ именъ могучій осквернитель,
Ты съ слабостью игралъ, какъ демонъ-соблазнитель
Играетъ съ чашей алтарей.
Такъ, если старый вѣкъ, при факелѣ могильномъ,
Терзаетъ, рветъ себя въ отчаяньи безсильномъ,
Издавши вольный кликъ, въ заржавленныхъ цѣпяхъ—
То вдругъ, изъ-подъ земли, герой неблагодарный
Встаетъ, разитъ его—и ложь, какъ сонъ коварный,
Падетъ предъ истиной во прахъ.
Свобода, слава, честь—мечты очарованья—
Гремѣли для тебя, какъ бранныя воззванья,
Какъ отзывъ роковой воинственной трубы,
И слухъ твой, языкомъ невнятнымъ пораженный,
Внималъ лишь одному волненію вселенной
И воплю смерти и борьбы.
И чуждый правъ людей, надменный, величавый,
У міра одного ты требовалъ—державы!
Ты шелъ... и предъ тобой вездѣ рождался путь,
И лавры на скалахъ пустынныхъ зеленѣли;
Такъ мѣткая стрѣла летитъ до вѣрной цѣли,
Хотя-бъ сквозь дружескую грудь.
И никогда фіалъ [1]) минутнаго безумья
Съ чела не разгонялъ державнаго раздумья;
Ты пурпура искалъ не въ чашѣ золотой;
Какъ воинъ на часахъ, угрюмый и безсонный,
Ни вздоха, ни слезы, ни ласки благосклонной
Ты не дарилъ красѣ младой.
Войну, тревогу, стонъ, лучи зари багровой
На копьяхъ и мечахъ любилъ твой духъ суровый,
И только одного товарища въ бояхъ
Лелѣяла твоя десница громовая,
Когда, широкій хвостъ и гриву воздымая,
Онъ билъ копытомъ сталь и прахъ.
Неравный никому гордыней равнодушной,

---

[1]) Фіалъ—чаша для вина у древнихъ грековъ.

Ты палъ безъ ропота, судьбѣ твоей послушный;
Ты мыслилъ... и презрѣлъ и зависть, и любовь!
Какъ царственный орелъ, могучій сынъ эѳира.
Одинъ всевидящій ты взоръ имѣлъ для міра —
И этотъ взоръ былъ: смерть и кровь.
Внезапно овладѣть побѣдной колесницей,
Вселенную потрясть могучею десницей,
Попрать одной ногой трибуновъ [1]) и царей,
Сковать ярмо любви изъ зависти коварной,
Заставить трепетать народъ неблагодарный,
Освобожденный отъ цѣпей,
Быть вѣка своего и мыслію и жизнью,
Кинжалы притупить, разсѣять бунтъ въ отчизнѣ,
Разрушить и создать всемірные столпы,
Подъ заревомъ громовъ, надежды неизмѣнной,
Оспорить у боговъ владычество вселенной —
О, сонъ!... о, дивныя судьбы!...
Ты палъ, однако, палъ—на пиршествѣ великомъ,
И плащъ властительный ты на утесѣ дикомъ
Увидѣлъ, наконецъ, растерзанный врагомъ,—
И рокъ, единый богъ, въ котораго ты вѣрилъ,
Изъ жалости сажень земли тебѣ отмѣрилъ
Между могилой и вѣнцомъ.
О, если-бъ я постигъ глубокія мечтанья,
Ужасные плоды того воспоминанья,
Которое тебя покинуть не могло!..
На доблестную грудь бездѣйственныя руки
Ты складывалъ крестомъ, и тягостныя муки
Мрачили грозное чело.
Какъ пастырь на брегу рѣки уединенной,
Завидя тѣнь свою въ волнѣ одушевленной,
Слѣдитъ ее вблизи и въ нѣдрахъ глубины—
Такъ точно на скалѣ, печальный и угрюмый,
Ты гордо вызывалъ торжественною думой
Дни величавой старины,
И, радуя твои внимательные взоры,
Въ роскошной красотѣ текли они, какъ горы,
И слухъ твой утѣшалъ ихъ ропотъ вѣковой,
И каждая волна, блестящую картину
Раскинувъ предъ тобой, скрывалася въ пучину,

[1]) Трибуны—должностныя лица въ древнемъ Римѣ, защитники народа.

И ты летѣлъ за ней душой.
Вотъ здѣсь ты на мосту, въ огнѣ, передъ громами;
Тамъ степи заметалъ враждебными чалмами;
Тамъ стонетъ Іорданъ, узрѣвъ тебя въ волнахъ;
Тамъ горы подавилъ стопой неодолимой,
Тамъ скипетръ обмѣнилъ твой мечъ непобѣдимый;
А здѣсь... но что за чудный страхъ?
Зачѣмъ ты отвратилъ испуганныя очи?
Блѣдно твое чело!.. скажи, во мракѣ ночи
Что бурная волна къ стопамъ твоимъ несетъ?..
Не тяжкой ли войны печальныя картины,
Не кровью ли враговъ обмытыя долины?
Но слава, слава все сотретъ.
Загладитъ все она — все, кромѣ преступленья;
Но перстъ ея, но перстъ... онъ кажетъ жертву мщенья —
Трупъ юноши въ крови... [1]) и мутная волна
Несла его, несла и снова возвращалась,
И, будто судія, къ убійцѣ обращалась
Съ ужасной повѣстью она.
А онъ, какъ заклейменъ печатью громовою,
Онъ быстро закрывалъ чело свое рукою,
Но кровь изъ-подъ руки прозрачно и свѣтло
Являлась и текла струей неукротимой,
Багровое пятно, какъ царской діадимой,
Вѣнчало блѣдное чело.
И вотъ, тиранъ, и вотъ за это вѣроломство
Возстанетъ на тебя правдивое потомство;
Кроваваго пятна ничто не истребитъ!
Ты выше и славнѣй соперника Помпея [2]),
Но кто, скажи мнѣ, кто и Марія [3]) злодѣя
Въ тебѣ невольно не узритъ?
И умеръ, наконецъ, ты смертію народной;

---

[1]) Когда Наполеонъ былъ еще консуломъ, былъ обнаруженъ роялистскій заговоръ на его жизнь. Слухи обвиняли въ соучастіи съ заговорщиками и молодого герцога Ангіэнскаго (сынъ принца Конде), который въ то время жилъ недалеко отъ французской границы, въ баденскомъ городѣ Эттингеймѣ. Наполеонъ вздумалъ навести ужасъ на роялистовъ: онъ велѣлъ французскимъ жандармамъ захватить герцога Ангіэнскаго и предалъ его военному суду, который безъ всякихъ доказательствъ приговорилъ его къ смерти, и герцогъ былъ разстрѣлянъ (1804 г.). Это возбудило сильное негодованіе при иностранныхъ дворахъ.

[2]) Помпей—выдающійся римскій государственный дѣятель и полководецъ (I в. до Р. Х.).

[3]) Марій—извѣстный римскій полководецъ (II—I в. до Р. Хр.).

Уснулъ, какъ селянинъ, на пажити безплодной,
Безъ платы за труды, съ притупленной косой.
Мечемъ вооружась, какъ будто для осады,
У Вышняго просить суда или награды
Явился ты съ твоей рукой.
Въ послѣдніе часы, болѣзнью изнуренный,
Одинъ съ своимъ умомъ предъ тайной сокровенной,
Казалось, онъ искалъ чего-то въ небесахъ;
Невнятно лепеталъ языкъ его суровый,
Хотѣлъ произнести невѣдомое слово;
Но замеръ голосъ на устахъ.
Окончи — это Богъ, владыка тьмы и славы,
Царь жизни и смертей; Онъ силу и державы
Вручаетъ и назадъ торжественно беретъ.
Отвѣтствуй — Онъ одинъ пойметъ непостижимыхъ;
Онъ судитъ и казнитъ царей несправедливыхъ;
Ему рабы даютъ отчетъ.
Но гробъ его закрытъ... онъ тамъ уже... молчанье!
Предъ Богомъ на вѣсахъ добро и злодѣянье!..
Онъ тамъ... съ лица земли исчезъ великій мужъ...
О, Боже, кто постигъ пути твоихъ велѣній?
Что значитъ человѣкъ? Увы, быть можетъ, геній
Есть добродѣтель падшихъ душъ.

Полежаевъ.

Наполеонъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ,
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ —
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ...
Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?

Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!... Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова.

Хомяковъ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ грозной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ своею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ [1]) державный
Ты на земныя племена.
Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной,
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ [2]) лежалъ,
И день великій неизбѣжный, —
Свободы яркій день вставалъ;
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Надменный, кто тебя подвигнулъ,
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара

[1]) Яремъ или ярмо — иго, рабство.
[2]) Людовикъ XVI, французскій король, былъ казненъ (1793 г.) во время великой французской революціи.

Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Оцѣпенѣлыми руками
Схватилъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ, наконецъ!
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Превозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ.
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды [1])
Подъяту видитъ великанъ, —
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнію чужихъ небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньѣ горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Пушкинъ.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни почемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ [2]) зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

---

[1]) Немезида — богиня мести у древнихъ грековъ.
[2]) Наполеонъ I.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ,
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ, [1]
И долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ,

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

Ночной смотръ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ

[1]) Наполеонъ II, сынъ Наполеона I и принцессы австрійской Маріи-Луизы, въ царствованіе отца называвшійся римскимъ королемъ, выросъ при дворѣ своего дѣда, австрійскаго императора, отъ котораго получилъ титулъ герцога Рейхштадтскаго. Онъ умеръ на 21 году своей жизни. По декрету французскаго императора Наполена III ему было присвоено имя Наполеона II.

Выходитъ трубачъ изъ могилы
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры,
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ; [1])
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой,
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею:
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ;
И «Франція» тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ «Святая Елена».
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Жуковскій.

Наполеонъ.

(Дума).

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой,—
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—чья тѣнь, чей образъ тамъ,
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ не живой, но также не мечта—
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.
Передъ нимъ лепечутъ волны и бѣгутъ,
И вновь приходятъ, и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся издалека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжетъ день:
Тамъ Франція, тамъ край ея родной

[1]) Наполеонъ I.

И славы слѣдъ, быть можетъ скрытый мглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они?!
Прости, о, слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ,
И скиптръ... О васъ забылъ Наполеонъ...
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней,
Гдѣ стаивалъ онъ на брегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ.
О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны;
И быстрый взоръ, давящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ.
Сей взоръ, какъ трепетъ, въ сердце проникалъ
И тайныя желанья узнавалъ.
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри: ужъ день блеснулъ въ струяхъ,—
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ.
Нерѣдко внемлетъ житель сихъ бреговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ:
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія, и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ пловецъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ
Подъ шляпою съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Лермонтовъ.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.

Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито
И самъ императоръ [1]) въ плѣну!

[1]) Наполеонъ I.

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце
И старыя раны горятъ».
Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ умереть бы пора,
Но дома жена, малолѣтки—
У нихъ ни кола, ни двора.
Да что мнѣ! Просить Христа ради
Пущу и дѣтей, и жену;
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни-жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И саблей меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!»

Михайловъ.

Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья и паденья часъ!

Лермонтовъ.

Островъ Св. Елены.

Не троньте пустынной могилы:
На дальнихъ, на чуждыхъ скалахъ

Не люди, а вышнія силы
Сложили могучаго прахъ!
Вѣнецъ вы сорвали съ кумира,
Но смерть благодарна была:
Державу, за кровь полуміра,
Она его пеплу дала!
Его—этотъ островъ и скалы—
Достойный въ вѣкахъ мавзолей, [1])
Глашатай судьбы небывалой
Средь шума и блеска морей.
Зачѣмъ же въ другое жилище
Съ тріумфомъ нести его прахъ?
Утратитъ на общемъ кладбищѣ
Свое онъ значенье въ вѣкахъ...
Не случай, а съ цѣлью высокой
Отъ насъ его Богъ отрѣшилъ,
Чтобъ замысламъ дерзкимъ далеко
Со скалъ его призракъ грозилъ.
И если въ преступной гордынѣ
Забудутся люди,—велитъ
Онъ, гнѣвный, подняться пучинѣ
И сброситъ грозящій гранитъ;
И къ славѣ пылая любовью,
Другой честолюбецъ прійдетъ,
Не вспомнитъ о казни,—и кровью
Полміра опять обольетъ.

Подолинскій.

Наполеонъ.

Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій,
Гдѣ дикій памятникъ небрежно положенъ,
Въ сырой землѣ и въ ямѣ неглубокой—
Тамъ спитъ герой, друзья!—Наполеонъ!..
Вѣщаютъ такъ и камень одинокій,
И дубъ возвышенный, и волнъ прибрежныхъ стонъ!..
Но вотъ полночь свинцовый свой покровъ
По сводамъ неба распустила,
И влагу дремлющихъ валовъ

[1]) Мавзолей—великолѣпный надгробный памятникъ.

Съ могилой тихою Діана [1]) осребрила.
Надъ ней сюда пришелъ мечтать
Пѣвецъ возвышенный, но юный:
Воспоминанія стараясь пробуждать,
Онъ арфу взялъ, запѣлъ, ударилъ въ струны...
«Не ты ли, островокъ уединенный,
Свидѣтелемъ былъ чистыхъ дней
Героя дивнаго? Не здѣсь ли звукъ мечей
Гремѣлъ, носился гласъ его священный?
Нѣтъ! рокъ хотѣлъ отсюда удалить
И честолюбіе, и кровь, и гулъ военный,
А твой удѣлъ благословенный—
Принять изгнанника и прахъ его хранить.
Зачѣмъ онъ такъ за славою гонялся?
Для чести счастье презиралъ?
Съ невинными народами сражался?
И скипетромъ стальнымъ короны разбивалъ?
Зачѣмъ шутилъ гражданъ спокойныхъ кровью,
Презрѣлъ и дружбой, и любовью,
И предъ Творцомъ не трепеталъ?..
Ему, погибельной войною принужденный,
Почти весь свѣтъ кричалъ ура!
При визгѣ бурнаго ядра
Уже онъ былъ готовъ... Но, воинъ дерзновенный!..
Творецъ смѣшалъ неколебимый умъ,
Ты побѣжденъ московскими стѣнами...
Бѣжалъ... и скрылъ за дальними морями
Слѣды печальные твоихъ высокихъ думъ.
Огнемъ снѣдаемъ угрызеній,
Ты здѣсь безвременно погасъ.
Покоенъ ты, и въ тихій утра часъ,
Какъ надъ тобой порхнетъ зефиръ весенній,
Безвѣстный гость, дубравный соловей,
Порою издаетъ томительные звуки;
Въ нихъ слышны слава прежнихъ дней,
И голосъ нѣгъ, и голосъ муки!
Когда уже едва свѣтъ дневный отраженъ
Кристальною играющей волною,
И гаснетъ день,—усталою стопою
Идетъ рыбакъ бреговъ на тихій склонъ;
Несвѣдущій, безмолвно попираетъ,

[1]) Діана—богиня луны у древнихъ грековъ.

Таща изорванную сѣть,
Ту землю, гдѣ твой прахъ забытый истлѣваетъ,
Не переставъ простую пѣсню пѣть...»
Вдругъ!.. вѣтерокъ... Луна за тучи забѣжала.
Умолкъ пѣвецъ. Струится въ жилахъ хладъ,
Онъ тайнымъ ужасомъ объятъ,
И струны лопнули, и тѣнь ему предстала:
«Умолкни, о, пѣвецъ!—спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль съ язвою упрека—
Мнѣ все равно, въ могилѣ вѣчно ночь:
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока!
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки.
Я презрю пѣснопѣнья громки,—
Я выше и похвалъ, и славы, и людей!»

Лермонтовъ.

7 ноября 1840 г. [1]

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемъ преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха,—
Сердитыя волны вскипятъ на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь средь знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребуетъ вновь
Боецъ—желѣзная воля!
Мы сняли покровы: глядимъ—небеса
Спокойны, безмолвны поля и лѣса,
И тихи зеркальныя волны!
И все озлатилось вечернимъ лучемъ,
И мы вкругъ могилы стоимъ и живемъ,
И силъ, и юности полны!
А онъ недвижимъ, онъ—гремящій въ вѣкахъ,
Онъ—сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,

[1]) Прахъ Наполеона былъ перевезенъ въ 1840 г. съ острова св. Елены въ Парижъ.

Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина навѣки молчатъ,
И смертью закрытъ повелительный взглядъ,
И смертью скованы длани.
И снова, скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую,
Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

Хомяковъ.

На перенесеніе Наполеонова праха.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ:
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.
Молньи сизыя трепещутъ,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещутъ;
Мчится весело фрегатъ.
Дни текутъ; на ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;
Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.
Берегъ! берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.
Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырыта скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.
Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душной,
Молньей внутренней сожженъ,
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.
Вырывайте-жъ бренно тѣло,
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло
Съ новой данью южныхъ странъ!
Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ его хранимъ судьбой;
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ,
Встрѣтитъ пепелъ дорогой,—
Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна,
Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна!
Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожатъ народы,
Войска движутся вдали.
А пойдетъ онъ, строгій, блѣдный,
Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;
Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,
И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!
И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.
Опускайте-жъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ

И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.
Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзьбы,
Встанетъ памятникъ богатый
Той неслыханной судьбы!
Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;
И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ —
Усмиритель бури бранной —
Наша сила, русскій крестъ!
Пусть, когда, въ земное лоно
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,
Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ, —
Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной!

Хомяковъ.

Послѣднее новоселье.

Межъ тѣмъ какъ Франція среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ какъ міръ услужливый хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ, —
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
«Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности — орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ сплеча.
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ.
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,

Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что̀ дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ.
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына —
Вы сына выдали врагамъ! [1])
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ —
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой»...
Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!

[1]) Сынъ Наполеона воспитывался при австрійскомъ дворѣ.

И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

Лермонтовъ.

Наполеонъ.

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!..
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..
Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ — орлы парили,
Въ его груди — змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости разсчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему...
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.
И ты стоялъ — передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!» [1])
И не напрасно было заклинанье:

[1]) При переходѣ черезъ Нѣманъ Наполеонъ сказалъ своимъ войскамъ: «Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей».

Судьба откликнулась на голосъ твой.
Но новою загадкою въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой...
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
    На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты, наконецъ...
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
    Передразсвѣтный вѣтерокъ.

Тютчевъ.

